

Стенограмма заседания круглого стола «Значение Победы в Великой Отечественной войне для национального самопознания народов стран евразийской интеграции»

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

27 апреля 2017 г.

Кулик Сергей Владимирович,
директор Высшей школы общественных наук СПбПУ, доктор исторических наук,
доцент:

Добрый день, уважаемые коллеги! Я записан в программе над регламентом, поэтому позволю себе на две минуты раньше открыть наш круглый стол. Наша структура впервые проводит мероприятие в таком формате. Конференции мы проводить научились, теперь осваиваем этот формат. И, учитывая то, что название круглого стола «Значение победы в Великой Отечественной войне для национального самосознания народов стран европейской интеграции», я бы хотел начать свое выступление со слов Героя Советского Союза полковника Бауыржана Момышулы, который писал: «Я казах, я не имею отчества, но мы вместе отстаивали Москву». Этот человек всю жизнь писал книги, рассказы и всю жизнь говорил о значении этого единения. К вопросу евразийства обращались многие ученые и поэты. «Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...» Но в современном мире сразиться с нами — это сражение больше на поле экономическом, чем на поле брани. Очень многие выдающиеся деятели думали и рассуждали — где мы с точки зрения пространства, кто мы с точки зрения идентичности и кто вокруг нас. Проблема евразийства вновь приобретает актуальность, вновь приобретает свое значение в совершенно иной ипостаси, но для нас это поиск нашего места, нашей идентичности, нашего будущего. Я хотел бы передать слово модератору круглого стола профессору Борису Николаевичу Ковалеву, который олицетворяет единение Политехнического университета и Института истории РАН — и сам является образцом для тесного и плодотворного сотрудничества. Пожалуйста, Борис Николаевич!

Ковалев Борис Николаевич,
ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН, профессор Высшей школы
общественных наук СПбПУ, доктор исторических наук:

Спасибо. «Приход наш и уход загадочен, их цели все мудрецы осмыслить не сумели, где круга этого начало, а где конец, откуда мы пришли, куда уйдем отселе?» Спасибо, Сергей Владимирович, за обозначенные цели и задачи нашего разговора, и, так как мы начали с поэтических ноток, хочу напомнить слова замечательного петербургского барда Александра Городницкого: «Вот так с той поры и живем, как нам архитектор Трезини поставил сей каменный дом — то ветер балтийский внезапен, то ветер сибирский жесток, полдюжины окон на Запад, полдюжины — на Восток». Наше положение между Европой и Азией — это достоинство или недостаток, это плюс или минус? Многонациональный состав нашего государства, который складывался не день, не два, не год и не столетие... Возьмем наш Северо-Запад: топонимика славянская и финская более чем тесно переплетены и являются для нас нормальными и естественными на протяжении уже более тысячи лет. Но за вот те самые более чем тысячу лет одно из самых страшных испытаний на прочность для нашего государства стало Смутное время, но далеко не только оно. Кстати, в этом году мы с вами все торжественно отметили 400-летие Столбовского мирного договора, по которому эта территория отошла — правда, не очень надолго, всего-навсего на 103 года, — к шведам. А мы говорим о том, кто воевал тогда. И

говоря о тех стенах, в которых мы с вами находимся, о нашем городе, я почему-то вспомнил — ведь, наверное, самые проникновенные строки о жителях блокадного Ленинграда сказал казахский акын Джамбул Джабаев: «Ленинградцы — дети мои, ленинградцы — гордость моя...» И тогда не только под Москвой, не только под Сталинградом, не только на всех фронтах Великой Отечественной войны мы были вместе, мы были рядом и одержали нашу общую победу. Причем рядом с нами стояли не только наши герои подлинные, живые, но и исторические герои, а иногда и героев мифов. «Бьемся мы здорово — дети Чапаева, внуки Суворова». Но если вспомним замечательный боевой кинофильм номер один — Василий Иванович Чапаев выплывает из реки Урал и начинает лупцевать проклятых немецко-фашистских оккупантов, в чем ему помогает Александр Невский, и это только вершина того айсберга, о котором сейчас расскажет Андрей Александрович Михайлов в своем докладе «Значение для народного единства исторических и мифологических образов в идеологической работе в годы Великой Отечественной войны». Спасибо.

**Михайлов Андрей Александрович,
доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук СПбПУ:**

Спасибо, Борис Николаевич, спасибо, уважаемые коллеги! Я позволю себе говорить сидя. Итак, действительно очень обширная тема, Великая Отечественная война была борьбой не только техники, не только армии, хотя, конечно, в первую очередь техники и армии, но это также в значительной степени была борьба идеологий: нацистской идеологии была противопоставлена идеология одновременно интернационализма и патриотизма. Уже в июле 1941 года газета «Правда» в передовой статье писала: «Союз Советских Социалистических Республик — большое многонациональное государство, в безвозвратное прошлое ушла межнациональная рознь, у нас нет мерзкого деления на народы большие и малые, у нас одинаково равны, пользуются одинаковыми правами все граждане великой социалистической страны без различия национальности. В этом передовом гуманном принципе — великая сила нашего государства, его моральное превосходство над фашизмом, пытающимся столкнуть человечество к временам варварства». Конечно, эта гордая декларация не исчерпывала всей сложности национальной политики, национальных отношений, но и истинные слова, соответствующие действительности, в ней тоже были. С первых же дней Великой Отечественной войны очень активно велась идеологическая работа в направлении единства всех народов, братство. Это было тем более актуально, что не последним оружием наших врагов было стремление расколоть Советский Союз, в том числе и по национальному признаку. Знаменитый идеолог Альфред Розенберг — кстати, уроженец Российской империи и воспитанник российских учебных заведений — вполне определенно писал о том, что надо расколоть страну на республики, которые затем натолкнуть на Москву. А надо сказать, что вообще идеологические и мифологические образы в пропаганде нацизма играли очень заметную роль. Плакаты, обращенные к норвежским и датским сторонникам нацизма с призывом вступить в легионы, — ну, естественно, викинги. Кстати, мы иногда забываем, что весьма серьезные мусульманские формирования имелись и у нацистов. Вот этому нужно было противопоставить целенаправленную борьбу. И работа, очень активная, действительно велась, и выходило огромное количество фронтовых газет на национальных языках — газет армейских и даже дивизионных.

Всемерно подчеркивалась идея единства народов, братства, но возникает и другое очень важное направление. В этот трудный момент государство, естественно, обращается к историческому прошлому. Правда, поворот начался немножко раньше, еще в середине 30-х годов, и всю Великую Отечественную войну он шел очень активно. Вот знаменитое выступление наркомпроса РСФСР перед учителями, где он прямо написал, что дело учителя теперь — это поднимать патриотизм, а вот старая школа оплевательства

прошлого — он дальше разъясняет, что имеется в виду школа Покровского, — должна быть отброшена, забыта, и даже более того: с ней надо бороться. Кстати, у этого замечательного наркома российского образования, Потемкина, я отметил бы в уголочке еще одну большую его заслугу — он отстаивал сохранение в русском языке буквы «Ё», о чем написал целую брошюру. Это немало, потому что своеобразие языка — это тоже очень серьезно, это повод для патриотизма. В знаменитом выступлении 7 ноября 1941 года Сталин обрисовал, кто, собственно, у нас главные военные герои, на них в дальнейшем и было сосредоточено основное внимание. Конечно, очень выгодным образом был Александр Невский, его роли в пропаганде посвящена целая книга немецкого ученого, поэтому я повторяться особенно не буду. Я не вполне согласен с его идеологическими оценками, но в целом фактология там изложена. А уже в 1941 году появилась брошюра «Ледовое побоище» Мавродина, знаменитого историка, очень хорошим тиражом, 75 тысяч. В 1941 году переиздается поэма Симонова, появляется книга Тихомирова. Но вот 1942 год стал настоящим апофеозом Александра Невского, поскольку это был юбилей Ледового побоища. Вот только некоторые книги — обратите внимание на места, где они изданы: это и Саранск, это и Чкалов, и Новосибирск, и многие другие города, то есть далеко не только столицы. А вот целая подборка плакатов на историческую тему одного автора, точнее супружеской пары — одной группы авторов.

Разумеется, очень удобен был в то же время и образ Суворова. Я бы обратил внимание на брошюру Болотова — это знаменитый собиратель и обработчик сказок. Все, кто сам в детстве читал книгу «Гора самоцветов» или у кого ее читали внуки, — вот это как раз его работа. Но кроме этого он в войну написал «Суворов в народных песнях и рассказах».

То есть очень активно происходило то, о чем говорил уважаемый Борис Николаевич, — в едином строю, на плакатах, в брошюрах, в кинофильмах, в боевых сборниках, сражались и политические деятели, и герои, которые при встрече едва ли бы оказались друзьями и соратникам. Я думаю, что убежденный монархист Суворов и Василий Иванович Чапаев нашли бы много тем для дискуссий, но в данном случае перед лицом врага они, конечно, оказались едины. Сказочные герои тоже были призваны в строй. Неоднократно в это время издавались былины, плакаты, снимались фильмы, в боевых сборниках, кстати, тоже появлялись русские богатыри. Ну и, конечно, очень часто высказывалась мысль о преемственности между русскими воинами разных эпох, равно как, кстати, и о преемственности агрессии. В годы войны становится очень популярной идея панславизма. Нелишне вспомнить, что в Москве проходили так называемые всеславянские митинги, и, как только началась война, в июле 1941 года один из постоянных авторов газеты «Правда» писал: «Германский фашизм не любит вспоминать о том, как славянские народы били германских псов, рыцарей, как русский народ разгромил железные рыцарские банды в Ледовом побоище, как польский народ выбивал немецких хищников из рыцарских замков, как восставал и бил немецких властителей свободолюбивый чешский народ». То есть идеи славянства и вечной агрессии немцев, направленной против славян, были очень популярны в идеологической работе того времени. В республиках республиканские газеты и республиканские плакаты брали за основу ту же линию. Возьмем несколько газет, просто для примера. Июль 1941 года, газета «Туркменская искра», печатный орган ЦК компартии большевиков Туркмении, напечатал редакционную статью, где говорилось: «Показать героические традиции борьбы русского народа против иноземных захватчиков и поработителей — родное дело агитатора и пропагандиста». Газета туркменская. В «Туркменской искре» были буквально подряд напечатаны перепечатки из центральных изданий, статья Подорожного — это очень крупный военный историк — «Брусиловский прорыв», Яковлева — «Как русский народ бил немецких рыцарей», позже в декабре вышла статья Вакуловского о Дмитрие Донском. Выходившая в Узбекистане газета «Правда Востока» в 1942 году представила читателям возможность ознакомиться с очерками Бородина — «Дмитрий Донской»,

Пичеты — «Александр Невский». «Советская Киргизия» в начале 1942 года в рубрике «В помощь агитатору» напечатала подряд очерки о Суворове, о Кутузове и очерк историка Бочкарева о Ледовом побоище.

Кстати, я забыл сказать, что, конечно, на военную службу оказались призваны и герои менее отдаленных времен, герои Первой мировой войны. У меня об этом готовится отдельная статья, поэтому здесь я не буду уделять много внимания этой теме, но замечу, что с героями Первой мировой войны, конечно, было сложнее, потому что поближе. Поэтому, по сути дела, в чести оказался всего один полководец и одна операция — Брусиллов и Брусилловский прорыв, поскольку Брусиллов служил в Красной армии. Но и тут не без исключения — например, была выпущена замечательная брошюра, как немецкие захватчики разбили лоб о крепость Осовец. Поэтому, когда говорят, что сейчас мы оборону Осовца только-только вспомнили, я говорю — нет, не только-только, в годы войны ее тоже вспоминали! Ну, а с другой стороны, разумеется, оказались востребованы и герои национальной истории, национального эпоса. В 1942 году в журнале «Пропагандист» была напечатана специальная статья с призывом к национальным издательствам поднимать на щит национальных героев. И вот тут в остатнее время я позволю себе немножко коснуться и этого. В начале сентября 1942 года «Социалистическая Якутия» опубликовала весьма пространную по меркам газеты статью Тарле об Отечественной войне. Ну это понятно, но в то же время в январе 1942 года «Социалистическая Якутия» оповещает читателей, что в местном театре готовится к постановке музыкальная драма Сивцева по сюжету якутского эпоса о богатыре Ньургун Боотуре. Знаменитый Ньургун Боотур Стремительный — признаюсь, я очень люблю этот эпос, поэтому я, когда увидел, то очень возрадовался. Там в начале эпоса дается шесть параллельных картин мироздания, а потом сказитель так вдумчиво говорит: «Ну, а какая настоящая — это понять невозможно». То есть там очень широкий взгляд на вещи. Это замечательный якутский героический эпос — воины и богатыри. Вроде бы зачем в январе 1942 года? А автор статьи, некто Башарин, отвечает: «Воинская доблесть и отвага были неизменными спутниками народа нашей страны на всем протяжении их истории. Из рода в род, из поколения в поколение в эпических легендах и сказаниях передаются не тускнеющие образы героев». И дальше якутский автор Башарин приводит имена героев, он вспоминает и Давида Сасунского, и калмыцкий эпос «Джангар» — и говорит, что все это нужно ставить и пропагандировать. Спектакль этот был поставлен и имел колоссальный успех, он несколько раз потом повторялся. И, что интересно, на доходы, полученные от этого спектакля, был построен танк, который вошел в колонну «Советская Якутия» и, как легко догадаться, назывался он «Ньургун Боотур Стремительный». Указанный спектакль был очень популярен.

Образы эпических героев использовались очень активно. Газета «Правда Востока» в июле 1942 года с гордостью писала об узбекских народных поэтах, идущих на фронт, и приводила список персонажей, которые должны служить примерами для бойцов — Алпамыш, Кёр-оглы, Авакхан.

Однако легендарные герои фигурировали не только в устном народном творчестве сказителей и не только у Джамбула и его товарищей. Главное политическое управление РККА издала на грузинском языке поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», на армянском и калмыцком — соответственно «Давид Сасунский» и «Джангар». Это ведь было военное издательство в военное время. Разумеется, очень популярным стало сравнение национальных героев с героями эпоса. Так, в стихотворном очерке, напечатанном в «Правде» и посвященном Герою Советского Союза Истрафилу Мамедову, азербайджанцу по национальности, уничтожившему в одном бою 70 вражеских солдат и трех офицеров, он сравнивался с героем азербайджанского же эпоса Кёр-оглы: «Ты бил врага, одолевая мглу, ты благородный наш и славный вестник и вместе с песнями о Кёр-оглу теперь мы о тебе слагаем песни». А через два номера после того, где было опубликовано это стихотворение, было напечатано еще одно, и в нем оказалось так много

азербайджанских реалий — и крылатые кони, и всякие названия оружия восточного, — что пришлось поместить внизу маленький словарик, глоссарий, чтобы боец мог на фронте разобраться, что все это значит... И, наверное, самый удивительный, с моей точки зрения, из всех примеров, с которыми я столкнулся: иногда пытались мобилизовать на борьбу с врагом обычаи, традиции народов, которые в другой обстановке едва ли получили бы одобрение. Газета «Грозненский рабочий» в 1942 году использовала в целях пропаганды с врагом мотив кровной мести как давнего обычая кавказских народов. Газета «Грозненский рабочий» писала: «Немец нигде не найдет приюта, убежав от мести черкеса, он наткнется на кинжал чеченца, его сразит пуля ингуша, на Кавказе нет народа, который не считал бы Гитлера своим кровником». Кровник — это человек, проливший кровь. Немец пролил кровь чеченца Маташа Мазаева, кровь храброго Магомета Ханиева — это горцы, геройски погибшие на фронте, ну и, соответственно, он достоин кровной мести. Разумеется, это был неоднозначный и сложный процесс. Иногда писатели, журналисты, кинематографисты, музыканты не угадывали правильно героя, который, так сказать, считался верным и нужным. Так получилось с татарскими учеными, которые увлеклись ханами Золотой орды, в 1945 году было довольно громкое дело в Академии наук Татарской Республики. Бывали и курьезные истории. Знаменитый выпускник политеха и знаменитый писатель Шпанов, о котором хорошо знает мой коллега Алексей Алексеевич, написал пьесу «Медальон», где, с точки зрения сотрудника агитпропа Еголина, чрезмерно идеализировал царских офицеров, ставя их в пример советским командирам. Но война была уже на исходе — такие тенденции появляются чаще всего на исходе войны. Хотя впоследствии при восстановлении страны опять-таки и герои эпоса, и исторические герои оказались очень востребованы. И в заключение хочу сказать еще вот что. Много из написанного и снятого в то время сегодня может показаться наивным и даже может вызвать желание сыронизировать. Разумеется, то, как описано Ледовое побоище и Александр Невский, у военного историка, который знает события XIII века, может вызвать только ужас, смешанный с растерянностью. Потому что если современные фильмы ругают за исторические неточности, то фильм Эйзенштейна — это просто фэнтези, немецкие рыцари так не выглядели, Александр Невский не мог себя так вести, и так далее. Это относится к очень многому — и, наверное, многое может показаться смешным, на взгляд современного человека, но на взгляд не очень глубокий. Может показаться забавным, что Ньургун Боотур, поразив чудовище, в конце спектакля обращался к зрителям с призывом не терять силы в борьбе с тьмой. Но в те тяжелые, страшные, чудовищные годы это в целом, мне кажется, сработало. Конечно, под под этим была мощная экономическая основа и гордость советского народа за более ранние свершения, но все-таки целенаправленная борьба политорганов, армейских органов, властей, партийных органов сыграла свою роль. Коллаборационизм, конечно, существовал, о чем Борис Николаевич знает, наверное, гораздо больше нас всех, тут присутствующих, но расколоть в полном смысле слова советский народ по национальному признаку не удалось — а планы такие были. Вместе с тем были найдены очень эффективные для того времени и в тех условиях и очень смелые — вот как в случае с грозненским рабочим — формы борьбы. Спасибо.

Ковалев Б.Н.: Большое спасибо, Андрей Александрович! Но хочу вам напомнить: когда в 1942 году создавался замечательный советский орден Александра Невского, товарищ Сталин хорошо знал, что наш Александр Невский выглядит так же, как актер Николай Черкасов. Так что в этом отношении, мне кажется, сила искусства была хороша для своего времени, и немало людей — рядовых, офицеров и даже вождей — искреннее верили, что все было именно так, как показано в фильмах Эйзенштейна. Кстати, может быть, именно поэтому он потом получил претензии по поводу второй серии «Ивана Грозного», когда слишком уж близко к сердцу некие реалии нашей далекой истории воспринимал наш уважаемый вождь и учитель... Огромное спасибо, Андрей Александрович. Продолжаем

нашу работу. Одно из ключевых понятий, которое вынесено в заглавие нашей конференции, — это понятие «евразийство», где, когда, каким образом оно зарождается, что это такое. Это слезы русской эмиграции, это некий факт, говорящий о возможном духовном возрождении. Слово предоставляется Нине Александровне Соколовой, кандидату философских наук, доценту Высшей школы общественных наук. «Эволюция понятия евразийства».

Соколова Нина Александровна,

кандидат философских наук, доцент Высшей школы общественных наук СПбПУ:

Датой возникновения евразийского учения принято считать 1920 год, когда Николаем Трубецкой выпущена в Софии книга «Европа и человечество». И основная мысль этой книги заключалась в том, что европейская культура не может быть общечеловеческой, что это не тот ориентир, который должен быть перед нами в качестве идеала. И подражание ей приведет лишь к деградации нашей российской культуры, она перестанет быть самобытной. В 1921 году выходит сборник «Исход к востоку. Предчувствие свершения. Утверждения евразийца». Его авторы — это молодые люди, опять тот же самый Николай Трубецкой, который был лингвистом, Петр Сувчинский — искусствовед, географ и экономист Петр Савицкий и теолог Георгий Флоровский. Они поддерживают эту самую мысль Трубецкого о том, что нужно отойти от европоцентризма, говорят о том, что революция, которая произошла за несколько лет до выхода в России этого сборника, — это не такое уж плохое явление. Они не поддерживают тех белогвардейцев, которые вместе с ними оказались в эмиграции, а белогвардейцы предлагали обратиться за помощью к Западу и опять же у Европы просить помощи и надеяться на нее, все надежды возлагали на то, что Россия возродится благодаря Западу. Вот эти молодые люди — им было где-то по 30 лет — были патриотами, они считали, что у России есть свое собственное будущее, что оно никак не связано с Европой. И, поскольку мы — страна самобытная, мы сами сможем возродиться, и революция даже хороша тем, что она переориентирует Россию от поклонения Европе к осознанию своей собственной уникальности, своего предназначения. Петр Савицкий, один из этих молодых людей, вводит такое понятие, как место развития. Это своего рода географический ландшафт, который определяет многие особенности вписанной в него цивилизации. И для России характерна своя особая культура и, соответственно, своя особая модель экономического развития, политического развития, культурного развития. Так, например, для России, говорит Сувчинский, необходимо обязательно развивать свою собственную промышленность и сельское хозяйство, нужно создавать децентрализованную промышленность, и главным в экономике он видит подчинение задач идее, основа которой — духовное развитие. Он говорит о том, что цель государства — не материальное благосостояние граждан, а именно их духовное, культурное развитие, обеспечение для них широких возможностей.

Точно так же в плане политики все евразийцы придерживались мысли, что государство должно быть гарантийным, государством правды. То есть во главе государства должен стоять либо один человек, либо группа, интеллектуальная элита, и они должны обеспечивать определенные обязательства перед гражданами: и материальное обеспечение, и духовное развитие, и терпимость по отношению к гражданам различных конфессий, поскольку государство Российское — многонациональное и многоконфессиональное. Оно должно ставить и решать ряд положительных задач в отличие от европейских государств, которые не ставят, по их мнению, никаких задач перед собой. И главной опорой этого государства должна быть не конституция, а нравственное начало, освященное верой и древними традициями. Далее, поскольку это понятие, место развития, является центральным для евразийцев, то принятое в советской традиции разбиение территории Старого света на две части, на Европу и Азию, считается неадекватным. Сувчинский говорит о том, что в результате такого разбиения получается,

что в место развития объединяются в корне различные типы. Так, например, когда в единое европейское целое объединяются Западная и Восточная Европа, то получается, что смешиваются разные географические типы: на западе это побережья и острова, полуострова, холмы, горы, на востоке это материк, равнинная поверхность. И, кроме того, оказывается, что Россия, которая находится в центре этого большого материка, вообще разбросана по разным частям света, что неправильно. Он говорит, что нужно выделить в материке три типа места развития — Европа, Евразия и Азия. И Евразия представляет собой единство трех равнин — Средне-Европейской, Сибирской и Туркестанской. Ядром этой Евразии является Россия. Когда евразийцы начинают развивать свое учение, они, с одной стороны, отталкиваются от учения славянофилов, с другой стороны, они их критикуют. Берут они у славянофилов идею, что Россия самобытная страна и ей не нужно ориентироваться на Запад, на Европу. С другой стороны, им не нравится сам термин «славянофильство», поскольку, скажем, чехи и поляки — тоже славяне, но у них совершенно другой менталитет, сформированный под воздействием католичества. Также им не нравится идея славянофилов о перспективности крестьянской общины. Но тем не менее они поддерживают идею славянофилов о том, что наша культура богата и разнообразна. Они постоянно сравнивают ее с эллинистической и с византийскими культурами и вводят термин «азийство» — не «евроазиатство», а «евразийство», поскольку это отсылает как раз к Малой Азии, к большому количеству колоний. За счет соединения большого количества различных культур получается очень богатая культура, которая была как у эллинов, так и у Византии, а теперь и у России.

Классическое евразийство продолжает свое развитие в 20-е годы XX века, но постепенно оно переориентируется с философской деятельности на пропагандистскую. Считается, что нужно вовлечь в это учение как можно большее количество людей. Евразийцы выпускают шесть сборников под общим названием «Утверждение евразийцев», и к этому направлению примыкают такие ученые, как Святополк Мирский, Бицили, Вернадский, сын Владимира Вернадского, Эфрон, Карсавин и другие. К 30-м годам постепенно сходит на нет популярность этого учения, и возрождается оно во второй половине XX века благодаря Льву Николаевичу Гумилеву. Он объединяет учение евразийцев со своей теорией о пассионарности и вводит также понятие суперэтнуса — это группа этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическими, идеологическими и политическими связями. Он говорит о том, что евразийский суперэтнос располагается на территории лесостепи и, соответственно, объединяет два разных географических ландшафта и о том, что при таком объединении возникает очень богатая культура. Она быстрее и эффективнее развивается, но для того, чтобы она именно эффективно развивалась, необходимо постоянное взаимодействие тех народов, которые существуют на этой территории. В конце XX века после перестройки евразийство вновь становится очень актуальным, русская интеллектуальная элита вновь обращается к этому учению, и возникает так называемое неоевразийство. Оно поддерживает те же самые принципы, которые характерны для классического евразийства. Основная идея заключается в том, чтобы восстановить целостность постсоветского пространства путем славяно-тюркской интеграции. И принципы, которых придерживаются неоевразийцы, таковы: полицентризм, то есть отказ от европоцентризма, принцип многомерной рубежности, климатической, этнической, географической, принцип национальной и конфессиональной терпимости, идея равноправия и смешанная рыночно-экономическая система. Россия видится как ось большого пространства: наряду с Россией в этом большом пространстве располагается также европейское, исламское, тихоокеанское пространства, а также пространства Индии и Китая. В качестве союзника России выбираются исламские страны, а не Европа. Прагматической целью организации является экономическое евразийское объединение, создается, соответственно, проект Таможенного союза, затем Единого экономического пространства, которое преобразуется

в ЕврАзЭС, в Евразийский экономический союз, куда входят Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан и Кыргызстан.

И в начале XXI века создается общероссийское политическое движение «Евразия», главной идеей которой является свободное объединение 130 народностей и национальных меньшинств в единое целое Евразии. Точно так же продолжает осуществляться критика Европы и тем более европоцентризма, поддерживается концепция циклического развития, развивается идея геополитического альянса вокруг России, противостоящего атлантизму. Происходит поиск альтернатив глобализму. Три основные идеи этого движения таковы: во-первых, стремление к воссозданию единого культурно-экономического и политического пространства как средства поддержания межнационального мира и сотрудничества между различными народами Евразии. Во-вторых, самоидентификация народов СНГ и России как цивилизационной группы, возникшей в результате многовекового этнополитического объединения народов Запада и Востока, и противопоставление европоцентризму, а также уверенности в необходимости доминанты американского мирового порядка, идея цивилизационного полицентризма. Спасибо за внимание.

Ковалев Б.Н.: Большое спасибо! Слушаю вас и почему-то вспоминаю Пушкина, «Клеветникам России»: «Кто устоит в неравном споре: кичливый лях, иль верный росс? Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос». А у меня к вам такой вопрос — может быть, немножко более литературного плана. В свое время я читал Аркадия Тимофеевича Аверченко, его поздние произведения, написанные уже в эмиграции. Он описывает распил Европы после окончания Первой мировой войны, где Россия представлена в виде несчастной нищенки, которая просит, чтобы бывшие союзники оказали ей хоть какое-то содействие, но мало того, что они ей никакого содействия не оказывают, они еще у нее и хлеб отобрали и сожрали и вытерли, что называется, рот, чтобы крошки не было видно. Вам не кажется, что евразийство зарождается как реакция, реакция вот этой молодой русской эмиграции на то самое предательство Европы по отношению к России, на все ставки, на национальные, что называется, карты в тех же самых Прибалтиках, в Польше, в государствах-лимитрофах? Они уже не верят Европе и поэтому в качестве компромисса предлагают посмотреть на Восток. Спасибо. Еще вопросы есть?

Большое спасибо за интересное и наполненное мыслями выступление. Вопрос, можно сказать, в жанре полемической реплики: а все-таки причислить Леонтьева к славянофилам — это несколько, мне кажется, опрометчиво, учитывая собственное позиционирование Леонтьева, критику славянофилов в его работах. Понятно, что для либералов конца XIX века представители всех течений, все те, кто не восторгался западноевропейским парламентаризмом, были славянофилы, но все-таки наша общественная мысль все-таки дошла до достаточного уровня к началу XXI века, чтобы больше дифференцировать, более тонко выделять особенности идейной позиции. И в этом отношении, конечно, Леонтьев не является славянофилом. Можно спорить насчет того, относить ли к ним Данилевского и правомерна ли такая категория, как поздние славянофилы, или неославянофилы, к которым Данилевского относили, но Леонтьев, конечно, нет. И еще я обратил внимание в вашем выступлении — европейский традиционализм Генона и Эволы через запятую. Насчет Эволы я не сомневаюсь, но Генона европейским традиционалистом, конечно, нельзя назвать, абсолютно, учитывая хотя бы его биографию, то, где он свои дни закончил, какую религию он принял и что он искал — как раз вечную традицию, традицию в метафизическом смысле, отнюдь не ограничива поиски европейским руслом, как известно.

Соколова Н.А.: Спасибо большое за поправки. По поводу Леонтьева сомневаюсь, что я такое писала, мне кажется, что это какая-то ошибка вкралась. А по поводу Генона — да, тут я признаю свою неправоту совершенно. Спасибо.

Ковалев Б.Н.: Как-то легко докладчик сдался. Я думал — будет активно отстаивать свою точку зрения. Вот в этом и заключается, с одной стороны, сложность, а с другой стороны, высокий профессионализм тех междисциплинарных форматов, коими мы сейчас с вами занимаемся. Здесь историки, здесь философы, здесь политологи, и, как вы, обратили внимание, в нашей программе, исторические и философские доклады сменяют друг друга. Слово предоставляется Алле Сергеевне Сафоновой, кандидату философских наук, доценту. «Национальное самосознание. Механизмы формирования и поддержки». И неужели Сергей Владимирович не сказал о том, что «да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами»... как там дальше? «Мы любим плоть, и вкус ее, и цвет, и душиной смертной плоти запах, виновны ль мы, что хрустнет ваш скелет в тяжелых нежных наших лапах?» Не пугайтесь, это Блок.

Сафонова Алла Сергеевна,

кандидат философских наук, доцент Высшей школы общественных наук СПбПУ:

Я совершенно спокойна. Добрый день, коллеги! Итак, национальное самосознание. Национальное самосознание в общем случае определяется как осознанное отношение нации к своим материальным и духовным ценностям, ее образ самой себя. Оно отражает процесс исторического развития народа, фиксирует его достижения и цели и, являясь своего рода рациональной надстройкой над национальным характером, предполагает определенную рефлексию над национальными чертами. Надо сказать, что закономерности формирования развития национального самосознания — процесс сложный и до конца не исследованный, все еще требующий междисциплинарного изучения. Будучи результатом длительного исторического пути народа, данное самосознание имеет сложную структуру, включающую в себя по меньшей мере три основополагающих компонента — это представление нации о себе, представление нации о других и способ установления межнациональных отношений как результат этих осознаний. При этом национальное самосознание неоднородно, имеет слои разной степени рефлексивности и представлено, например, как непосредственными эмоциональными переживаниями, так и поведенческими стереотипами и ценностными установками, которые могут быть, в свою очередь, выражены в народных, в фольклорных образах, а могут быть выражены и в официальной символике нации. Наиболее элементарное проявление национального самосознания — это соотнесение себя с соответствующей национальной этнической группой, принятие ее взглядов, обычаев, традиций, ценностей как своих собственных. Как правило, это происходит благодаря проживанию на общей территории, использованию одного языка, нахождению в поле одной культуры, то есть благодаря общности условий повседневной жизни. Помимо самоидентификации национальное самосознание обеспечивает преемственность поколений, связь между историческими периодами в жизни нации, ограждение от внешних влияний, ассимиляции другими нациями. Самосознание является способом познания собственной сущности, осознанием своей специфики, возможности границ, и это принципиально важно как для планирования дальнейшего развития, так и для выстраивания отношений с другими нациями, что является необходимым условием глобализации. В конечном итоге национальное самосознание обеспечивает направление усилия народа на достижение единой великой цели, важной для всех членов данной национальной общности. Надо сказать, что национальное самосознание является довольно инертным образованием, однако ему присуща определенная динамика. Оно содержит компоненты, обеспечивающие его стабильность, и в то же время — компоненты, которые провоцируют изменения.

К первым, то есть к стабилизирующим, относятся, например, эмоционально окрашенные установки и национальные стереотипы. Ко вторым относятся потребности, изменение которых обеспечивается изменением экономической или политической ситуации. Разговаривая о национальном самосознании, хочется отметить, что существует определенная разница между теми ценностями и установками, которые декларируются и теми, которые действительно реализуются в поведении. Исследования показывают, что при личном взаимодействии лицом к лицу большинство людей оказываются более толерантными к представителям других наций, чем они сами этого ожидают. Если же контакт удаленный, то происходит взаимодействие уже не между человеком и человеком, а между человеком и неким образом, стереотипом той группы, представителем которой является второй. Это происходит потому, что национальный стереотип, на который ориентируются в такой ситуации, подчеркивает лишь отдельные черты, то есть существует некая антигуманность, античеловечность, — и реакция на эти отдельные черты может быть достаточно резкой. Сочетание того и другого, то есть непосредственного и опосредованного общения, способно корректировать наше представление о других нациях. Понятие нации и соответствующего ей самосознания может рассматриваться и рассматривается в двух аспектах — политическом и этническом. В первом случае нация — это общность граждан определенного государства или группы государств, во втором — особый антропологический биосоциальный тип людей, имеющих общее происхождение, внешний вид, культурные особенности и прочее. Этнос является образованием, обусловленным в первую очередь природными и территориальными условиями. Он весьма интересен как объект изучения, но в данном контексте речь идет о нации как о политическом образовании, как о результате рационального осмысления целей и ценностей совместной жизни и деятельности социальных общностей. Механизмы формирования национального сознания и самосознания выполняют две связанные и в то же время противоположные задачи: с одной стороны, объединение людей в целостность, а с другой — противопоставление этой целостности остальным социальным группам. Эти задачи глубоко архетипичны — собственно, их постановка указывает на то, что формирование социальности состоялось. В любом случае постулируются исключительно собственные национальные группы. «Мы» — наделение положительными качествами, которые подтверждаются историческим прошлым, и противопоставление себя другим группам. «Они» — обладание противоположными, как правило, отрицательными или, во всяком случае, нерациональными качествами, это может быть экономический уклад, политическое устройство, моральные нормы и все, что угодно, другое.

Отличие «их, плохих» от «нас, хороших» требует сплочения, объединения группы с целью противостояния. Антитеза «мы — они» является естественным психологическим механизмом, на этом всегда держалось и держится национальное самосознание. Оно позволяет как отдельным людям, так и группам производить самоидентификацию через принятие или непринятие социокультурных и других норм совместной жизни. Один из механизмов, подкрепляющих самоидентификацию через противопоставление, — это создание уже упоминавшихся национальных стереотипов, то есть эмоциональных, абстрактно-образных представлений, несущих в себе оценочное начало. Стереотипы, безусловно, не являются результатом объективного анализа представителей другой нации и, как правило, выделяют одну или несколько черт, особенно впечатливших автора стереотипа в силу его неожиданности или принципиального отличия от его собственных. Акцентирование одних и игнорирование других качеств национальной группы ведет к искажению реальности и препятствует процессу объективного познания, но для национального самосознания это не обязательно, так как его задача — совсем иная, она состоит в сплочении одной общности на фоне всех остальных. Еще один источник механизма укрепления национального самосознания — это создание и воспроизводство национальных традиций. Последние стабилизируют и сплачивают общество,

актуализируя его историческую память, так как любая традиция отсылает к значимому событию. Это своего рода ритуал, организующий и упорядочивающий жизнедеятельность людей, обеспечивающий в том числе их духовное единство. Традиции играют огромную роль для воспитания подрастающего поколения. В процессе воспитания происходит не рефлексивное, в смысле принятие на веру того, что передается авторитетными взрослыми, воспроизводство традиционных, уже сформированных ценностей, представление о собственной нации и о других, обучение нормам поведения в различных ситуациях, навык оценки происходящего — как правильного либо неправильного, справедливого либо несправедливого, должного либо противоправного. Будучи привито в детстве на ранних этапах социализации, представление о собственной национальной принадлежности не ставится под сомнение, эмоционально переживается и является предметом мировоззренческой гордости, нравственной основы человеческой личности, определяющей жизненную стратегию, ориентированную на благо своей нации. Поэтому задача обеспечить национальную преемственность является одной из основополагающих для современной системы образования.

Как показывают социологические исследования, одной из проблем современного общества является тот факт, что формирование национального самосознания происходит зачастую на основе неадекватных источников, сомнительных информационных ресурсов, СМИ, которые стремятся в первую очередь к порождению сенсации, а не к компетентной интерпретации событий, а также вольных пересказов исторически значимых событий, что обусловлено слабой подготовкой и несистемными, случайными знаниями либо неумением включить их в более широкий культурно-исторический контекст. В результате происходит деструкция массового сознания, совмещение разных культурных традиций, неконфликтное отнесение одного и того же субъекта к разным нациям и как следствие девальвация собственных национальных культурных ценностей. Как уже отмечалось, развитие национального самосознания — это длительный и неравномерный исторический процесс. Если говорить о нациях в политическом смысле, то они появляются в эпоху Нового времени в результате процессов секуляризации, которые повлекли за собой изменение мировоззрения. Отныне нация — это сознательно, рационально создаваемое на базе декларируемых ценностей единство. Национальное самосознание — явление в первую очередь духовное, связывающее различные социальные процессы, позволяющие преодолевать разного рода кризисы, в том числе экономические, политические и межнациональные. Без учета особенностей национального самосознания невозможны интеграционные процессы, отражающие исторически закономерную и прогрессивную тенденцию к укреплению взаимопонимания между народами. В принципе, возможность межнациональных отношений во многом определяется содержанием национального самосознания. Если носители последнего не способны к коммуникации с другими нациями, стремятся к изоляции либо, наоборот, к агрессивной ассимиляции других народов — это ведет к серьезным конфликтам, в том числе и военным. Хотя надо отметить, что внешняя агрессия, влекущая за собой опасность культурного или физического уничтожения национальных общностей, является фактором, сильно стимулирующим развитие национального самосознания, она вызывает интенсификацию национального чувства соотнесения себя с исторической судьбой своего народа, его прошлым и будущим, чувство любви к родине, ее культуре, готовность пожертвовать собой во имя нации. В этом смысле значение Великой Отечественной войны для укрепления национального самосознания народов стран евразийской интеграции, безусловно, трудно переоценить. В то же время замечено, что чем меньше общность, тем сильнее она переживает проблему своей национальной идентичности, национального самосознания и, наоборот, чем она больше, тем уверенней чувствуют себя ее представители.

В многонациональном государстве национальное самосознание может несколько размываться за счет того, что на первый план выходит озабоченность более широким

кругом наднациональных проблем. Евразийская духовная культура в этом смысле весьма показательна, она прошла долгий сложный путь развития, как в географическом пространстве, так и на историческом протяжении. Народы, проживающие на территории Евразии, сами по себе являются динамическими системами с изменяющимся национальным самосознанием и национальной психологией. Такой динамике способствует в том числе и массовая миграция, перемещение лиц одной национальности в жизненную среду другой, что получило широкое распространение. Но, даже не перемещаясь в пространстве, современное человечество в силу развития многообразных средств коммуникаций обладает множественной самоидентификацией, позволяющей относить себя к разным, в том числе и национальным группам благодаря знанию соответствующих языков, культурных традиций, религиозных верований, навыку помещения себя в различные контексты и масштабы рассмотрения. Сложилась ситуация, когда молодое поколение, формально идентифицируя себя с определенной нацией, в то же время не чувствует национального единства. В настоящее время это определяется в основном лишь использованием одного языка, в то время как обычаи, традиции и особенности национальной культуры, представление об общей исторической судьбе народа отходят на второй план. Это лишь подчеркивает логичность, правомерность рассмотрения нации именно как идеологического, политического единства, а не как этнической группы, хотя этнические особенности тоже требуют учета. История показывает, что многие важные реформы, проводимые в России в разное время, потерпели неудачу именно в силу игнорирования национального самосознания отдельных народов, входящих в ее состав. Российская Федерация — государство, объединяющее около двухсот народов разной численности, имеющих свои языки, особенности ведения хозяйства, уникальную духовную культуру, особую ментальность, что обеспечивает достаточное количество противоречий между ними и возможность конфликтов. Однако национальное самосознание постоянно развивается, предотвращая эти конфликты и выходя на новый уровень конструктивного сотрудничества. Технология формирования национального самосознания предполагает последовательную реализацию следующих шагов: представление вербальных и визуальных символов национальной специфики, к коим относятся язык, герб, гимн, флаг и другие значимые атрибуты, празднование национальных праздников, отсылающих к значимым событиям, воспитание подрастающего поколения в определенном ключе, который требует изучения фольклора, истории народа, следования его традициям. Все эти шаги направлены на то, чтобы сформировать определенный образ мышления, черты характера и национальное чувство. Особую роль играет, конечно, национальный язык, который непосредственно связан с формированием национального самосознания, так как функционирование и развитие обусловлено всей совокупностью процессов духовного и материального производства, общественных отношений людей. Национальный язык определяет множество только ему свойственных крылатых выражений, афоризмов, пословиц, отражающих накопленный столетиями жизненный опыт и мудрость народа. Через язык идет воспитание человека, приходит понимание отличий между людьми, усваивается нравственное начало, идет постоянный качественный рост национального самосознания. Значимую идею формирования оного играет также национальная идея, то есть набор ценностей в их духовном и символическом выражении. Национальная идея всегда связана с интересами народа, но не тождественна им, ибо является не выражением конкретного желания, а скорее принципом устройства общества, своего рода золотым правилом нравственности. Она может быть осознанной или неосознанной, но при этом всегда опирается на реальную историю и действительные ценностные установки народа — в противном случае это уже не национальная идея, а некая нежизнеспособная идеология. Россия, как многонациональная страна, изначально выстраивает свою национальную идею на ценностях коллективизма, сотрудничества и справедливости. И в заключение мне хотелось бы сказать, что в настоящее время стоит нетривиальная задача: с одной стороны,

необходимо сохранить национальную идентичность, для того чтобы не потерять самоидентификацию, а с другой стороны, сделать это таким образом, чтобы не отрицать права на существование и развитие других, соседних народов. Спасибо за внимание.

Ковалев Б.Н.: Спасибо большое! Я слушал ваш доклад и вспоминал о том, как много лет назад я сидел на одном замечательном мероприятии под названием «безалкогольная свадьба». Было это как раз после небезызвестных событий 1985 года, был я, чего греха таить, активным комсомольцем, свадьба была действительно безалкогольная, и я обеспечивал идеологическое составляющее данного мероприятия. «Россия — зона трезвости», — говорил я, на меня смотрели с тоской, потому что съемки свадьбы были, естественно, на камеру, и даже потом этот сюжет был в новостях дня, в самый патетический момент пришел сотрудник обкома партии и подарил молодой семье ключи от новой квартиры. И знаете, во время обмывания новой квартиры — вот безалкогольных обмываний новых квартир не было — народ оттянулся. С одной стороны, вспомнить и грустно и смешно, но гораздо грустнее вспомнить то, что будет через десять лет, и я имею в виду замечательный фильм «Особенности национальной охоты», когда нам попытались доказать, что наше пьянство является неразрывной частью нашего национального характера. Этого не нужно стесняться, этим нужно гордиться — тем, как здорово, как красиво и много мы пьем. Следовательно, когда мы говорим о том, о чем вы так этак сурово и по-философски сообщили, что получается? Вот подлинные и мнимые элементы национального самосознания, вот кто мы такие, вот какое мы место должны найти в этом мире, вот чем мы должны гордиться, вот что мы должны развивать, вот чего мы должны стесняться. Кстати, я обратил внимание, даже когда мы говорим о событиях Великой Отечественной войны, все чаще, причем не только у журналистов, но даже у историков время от времени появляется российский народ, Россия, но ведь тогда был все-таки советский народ и Советский Союз, и мы как раз говорим об общем вкладе народов нашего Советского Союза, быть может, совершенно не имея какой-то отрицательной мысли, когда говорим о российском народе. А мы отталкиваем то, что было отторгнуто — это тема отдельного разговора — от нас в 1991 году. И, во-вторых, мы несколько обижаем те народы, которые внесли свой вклад в Победу. Конечно, здесь очень важно и необходимо понять, что является подлинным, глубинным и что является наносным. Давайте вспомним о всплеске рождаемости после 1985 года. Но, к сожалению, у людей моего поколения воспоминания о тех событиях отнюдь не самые положительные и не самые позитивные. Что это такое? То, что попытались надругаться над нашей сущностью или что-то более сложное? Вопрос. Кстати, вопросы еще есть к докладчику?

Вы освежили воспоминания моей безалкогольной свадьбы. Нет, мы просто земляки с Борисом Николаевичем, он не был на моей свадьбе, у меня были отклеенные этикетки и висел указ. Но вопрос мой чуть-чуть другой. Совершенно верно, мы потеряли имперский проект, советский имперский проект на основе единства языка и межнационального сотрудничества, и вот эта попытка строить новую евразийскую интеграцию, попытка поиска новых каких-то оснований, новой терминологии, хотя мы вроде обращаемся к старой терминологии, сталкивается с практикой. Назарбаев планирует перевести казахский язык на латиницу — это безусловное поражение нашего желания создать единую интеграцию, и вот вопрос такой: на каком языке планируется коммуникация в евразийской интеграции? Или национальное самосознание будет связано с конкретными мелкими языками, когда 200 народностей будут говорить каждый на своем и расцветать? Нашему сотрудничеству в рамках всевозможных организаций, мне кажется, необходимо обязательно проговаривать, обязательно ставить этот вопрос. Скажите, с вашей точки зрения как философа, как человека, который размышлял про национальное самосознание и неоднократно подчеркивал значение языка, — каковы перспективы в сотрудничестве и какой язык вы видите в основе? Спасибо!

Сафонова А.С.: Я, пожалуй, вижу в качестве основы русский язык, поскольку все-таки достаточно большая часть евразийского народа говорит именно на русском и через эту культуру объединяется. Но речь идет о том, что при этом никоим образом не должны подавляться национальные языки. Если наложить какое-то вето, запрет на национальное саморазвитие, то интеграции как таковой тоже не произойдет. То есть произойдет унификация, но в то же время потеря каких-то ценностей, потеря значимых событий, через которые человек самоопределяется. В конечном итоге интеграция происходит через какое-то событие, значимое для всех, через событие, во имя которого можно принести какую-то жертву. Язык — это, наверное, не то, ради чего будет что-то пожертвовано, но язык нужен для описания этого события...

Ну вот если будет латиница, то автоматически это англосаксонская модель, англосаксонский мир, и я думаю, что казахи будут просто использовать другие источники — и историографические в том числе.

Сафонова А.С.: Безусловно, это так, но можем ли мы на это повлиять? То есть насильно заставить их говорить на русском языке? Ну давайте попробуем.

Алла Сергеевна, а можно еще один вопрос? Вот вы говорили о том, что Россия изначально выстраивала свою национальную идею на основе сотрудничества, а «изначально» — это вы какой период вообще имеете в виду? Какие национальные идеи? Потому что вопрос национальной идеи очень острый, он стоит до сих пор...

Сафонова А.С.: Скажем так, само понятие национальной идеи, то есть ее составляющие — софийность, соборность, общее дело — это начиная с XVIII, XVIII и XIX века.

Православие, самодержавие и народность?

Сафонова А.С.: Да, именно так.

А современная национальная идея что даст вообще?

Сафонова А.С.: По-моему, современная национальная идея находится в некотором поиске. Собственно говоря, отвергать эти основы она, наверное, не может, они прекрасны и удивительны. Это то, чего нельзя сказать на архетипическом уровне, но национальное самосознание все равно вращается вокруг этих понятий, то есть они все равно будут задействованы.

Вроде можно и предложить какую-то национальную идею?..

Сафонова А.С.: Я побоюсь прямо сейчас предложить какую-то национальную идею, но это, безусловно, надо обсуждать.

Кулик С.В.: Я вмешаюсь в работу модератора, потому что как раз это очень интересная тема — как видим мы и как видят нас. Это тоже нужно учитывать, и евразийцы тоже предполагают, что не будет создан другой какой-то вот такой уникальный центр, что такой центр, ставя задачу притяжения, в результате получится отталкивающим. В нашей практике таких примеров предостаточно. Так вот как смотрят на нас вот с этим нюансом нашей неразрывности с алкоголем? Я хочу предоставить слово человеку, которого заманивали в Испанию на конференцию ветераны «Голубой дивизии», вместе с фашистами топтавшие нашу землю, и когда он замешкался с ответом, они привели этакий,

железный аргумент, понимая, что теперь он точно придет. Испанцы прислали письмо Борису Николаевичу, где отметили, что закупили даже два ящика водки, лишь бы он приехал. Борис Николаевич, пожалуйста, вам слово.

Ковалев Б.Н.: Спасибо. Правда, потом грустно приписали: «Водка польская, а русской не нашли». Кстати, когда общался с польскими коллегами, то мы спорили: в конце концов, это чье произведение искусства, наше или польское? Но вы помните замечательные слова Владимира Владимировича — я имею в виду, конечно, Маяковского: «Да будь я и негром преклонных годов и то без унынья и лени я русский бы выучил только за то...» Хорошо ли знать русский язык? А вы знаете, далеко не всегда хорошо, по крайней мере для некоторой категории несчастных переводчиков-синхронистов, обслуживавших Нюрнбергский процесс. Если кто из вас читал замечательную книгу Полторака «Нюрнбергский эпилог», он описывает, как Альфред Розенберг, фамилия которого и даже изображение неоднократно звучало и мелькало в рамках нашего круглого стола, внимательно выслушивая выступления свидетелей, очевидцев с советской стороны, если ему казалось, что в переводе допущена малейшая неточность, он тотчас же заявлял очень жесткий протест, и протест достаточно аргументированный, поскольку оба языка, и немецкий и русский, он знал в совершенстве. И это страшно. И это страшно, поскольку человек, который родился в Российской империи, который получил российское образование, человек, который знал нашу страну изнутри, был одним из идеологов Третьего рейха. Мы отлично знаем, что кроме «Майн кампф» вторая по значимости книга Третьего рейха — это «Миф XX века» Альфреда Розенберга. Кстати, Розенберг очень радовался, когда его книга попала в индекс книг, запрещенных католической церковью. Именно в этой книге он пытается понять душу русского человека через произведения Федора Михайловича Достоевского. Книга достаточно интересная, читается весьма легко, но когда ты сравниваешь ее текст с заявлениями Альфреда Розенберга, в особенности когда ты начинаешь понимать, что этот человек будет возглавлять рейхсминистерство восточных территорий, становится просто-напросто страшно. Потому что нас хотели расчленять, нас хотели уничтожить не с нашим легким славянским разгильдяйским элементом, а действительно в духе жесткого профессионального немецкого порядка. Ведь за два дня до нападения Германии на Советский Союз Розенберг заявил: «Россия никогда не была национальным государством, она всегда была государством многонациональным, все народы оставались враждебны русским. Задача нашей внешней политики заключается в том, что мы должны учесть стремление к свободе всех этих народов и облечь их в определенную форму государственности. На огромной территории Советского Союза нужно нарезать государственные образования и настроить их против Москвы, считай против русских, чтобы на ближайшие столетия освободить германский рейх от дурного давления с Востока».

Первые месяцы войны показали не только реальные успехи блицкрига, они показали и специфику нацистской национальной политики. Если мы откроем материалы Нюрнбергского процесса, то увидим: с военнопленных первым делом снимали штаны — это было в июне, июле, августе, начале сентября — и уничтожению подвергались все обрезанные. Трудно сказать, то ли это была заслуга иерусалимского муфтия, которого, кстати, мы видели здесь на замечательных фотографиях, предоставленных Андреем Александровичем, то ли решили отыграть татарскую, то ли крымско-татарскую, то ли поволжско-уральскую карту, но при совещании в Берлине было сказано о том, что в процессе вот всех этих акций по уничтожению было отправлено на тот свет очень много мусульман. И если верить замечательному казанскому исследователю Искандеру Гилязову — а я ему не могу не верить, — небезызвестный папаша Мюллер в гестапо удивленно сказал, что он вообще в первый раз слышит о том, что мусульмане практикуют обрезание. Следовательно, мы видим первый элемент нацистской оккупационной политики. Кто является неким вселенским врагом, неким вселенским злом? Естественно,

это евреи. Евреи подлежат полному уничтожению, они являются врагом эстонцев, латышей, литовцев, они являются врагом русских, украинцев, белорусов. Один мой добрый знакомый, не так давно скончавшийся — кстати, номинировался на Нобелевскую премию, — Норман Соланский, в детстве Наум Моисеевич Соланский, который жил в Каунасе, мне как-то с горьким смешком говорил, что в первый раз ему спас жизнь немецкий солдат, он спас их семью от погрома, когда литовцы, кстати, в том числе и спровоцированные немецкой пропагандой, просто-напросто начали беспорядочно уничтожать своих еврейских соседей. Итак, первое, на что делалась ставка в немецкой, нацистской политике и пропаганде — это такой оголтелый антисемитизм. И я хочу напомнить еще одну замечательную книгу Казанцева, «Третья сила», это один из известных антиэсэсовцев, где он описывает реалии 1941 года, когда в некоем городке под Берлином на разных категориях людей обкатывают листовки. То есть люди читают листовки — колхозники, рабочие, интеллигенты, русские, татары, украинцы, чеченцы, — и, прочитав листовку, они должны заполнить анкету, насколько эта листовка: А — воздействовала на них и Б — не вызвала ли эта листовка у них чувства некоего отторжения, неприязни и неприятия. И здесь понятно, что в качестве врага номер два для нацистской пропаганды объявляется именно русский народ. Причем здесь еще летом 1941 года появляется термин «союзное население», и для северо-запада России в первую очередь союзное население — это население Эстонии, Латвии и Литвы.

С чем это было связано? Ну понятно, что: а) достаточно позднее, в 1940 году, вхождение этих республик в состав Советского Союза, б) репрессии по отношению к части истеблишмента этих республик. Я как-то, будучи в Риге, общался с коллегой из Латвийского национального университета и очень наивно его спросил: «Скажите, а вот в 1940 году были какие-нибудь случаи сопротивления тому, что вы называете советской оккупацией, хотя бы на уровне газет? Ну не обязательно же брать в руки оружие, выступать навстречу Красной армии, это страшно, а ведь можно было в газете что-нибудь написать?» — «Нет, — сказал он, — ни одной статьи я не нашел. Наоборот, все очень радовались, хлопали в ладоши и говорили, как мы замечательно эту войну переживем, какие мы умные, спрячемся под зонтиком Москвы». И вот то, что у них не получилось перепрятаться, спрятаться под зонтиком Москвы, я думаю, что это тоже была негативная реакция малой нации, которая хотела в том числе и таким образом отыграться за собственную трусость образца 1940 года. Что греха таить, об этом немало пишут, и в том числе коллеги наши из фонда «Историческая память», весьма высокий процент немецкой агентуры составляли эстонцы, латыши и литовцы, которые просто-напросто легализовались и предложили свои услуги немецкому оккупационному командованию. А Розенберг, хотя и сам был родом из Прибалтики, к коренному населению Прибалтики относился с большим пренебрежением, как любой нормальный немец может относиться к этим недоумкам с хутора — эстонцам, латышам, литовцам. Да, было объявлено и обещано еще одно направление национальной политики — обещание неких великих государств. Если великая Финляндия, то до Урала. Кстати, видел ли кто-то из вас замечательные финские марки до того, как Финляндия перешла на евро? Там на 20-марковой банкноте изображен известный финский писатель Вяйне Линна, автор замечательной книги «Неизвестный солдат», такой, знаете, финский Ремарк, он описывал войну Финляндии против Советского Союза, 1941-й год. Он говорит о том, что как только мы перешли старую советско-финскую границу, мы потеряли статус людей, которые борются и восстанавливают свои независимость и свободу и превратились в оккупанта, превратились в преступника, в особенности когда пошли все эти лозунги «Дойдем до Петрозаводска, дойдем до Урала». Великая Финляндия до Урала — что интересно, южнее Финляндии должна была существовать великая Эстония до Вологды, далее великая Латвия.

Мы как-то забываем о том, что и в Белоруссии белорусские националисты тоже рисовали карты своей страны, включая и Чернигов, и Смоленск, и Даугавпилс и все

остальное. Чуть южнее должна была появиться некая великая Украина, которой должны были отдать, я цитирую обещания нацистов, Крым, Воронеж, Краснодар и Саратов... Самая восточная точка — это все-таки Саратов. То есть до Волги. Мне кажется, что если бы пообещали великую Украину до Дальнего Востока, кто-то бы вполне логично воспринял это как издевательство и явно невыполнимое обещание. И вот тогда появляется это понятие — «союзное население». Союзное население, в качестве которого на северо-западе объявляются эстонцы и латыши, на юге это в первую очередь крымские татары и чеченцы, хотя при этом в самих документах Третьего рейха говорилось о том, что около 50 процентов эстонцев, латгальцев, латышей, более 80 процентов литовцев должны быть или ассимилированы, или уничтожены, то есть будущее для этих республик нацисты готовили не самое радужное, а скорее самое негативное. В «большом доме» есть замечательное уголовное дело на Юрия Галя, арестованного советскими органами госбезопасности, в общем-то, несчастного человека, который прошел через лагерь военнопленных, но там потерял себя, стал преступником. Он оставил очень интересные показания. Он писал о том, как в декабре 1941 года нацисты вели политику по усилению национальной розни среди пленных. И он писал так: «Украинцев стали размещать в отдельном бараке. Их не гоняли на работу и обещали, что из них будут комплектовать отряды полиции для оккупированных городов, в частности для Пскова. Казаки в лагере имели привилегированную работу на бойне. Они были сыты, а излишками мяса спекулировали в лагере. Балтийские народы получали привилегии, они употреблялись только на внутрिलाгерных работах, и в начале 1942 года их всех отпустили домой. Русских использовали на самых тяжелых работах — погрузка снарядов на железной дороге, рытье канав, строительство укреплений, все это вело к массовой гибели, к смертности среди людей». Кстати, то, о чем говорили в первом докладе, то же самое предлагало и ведомство и Розенберга, и Геббельса, так вот 20 июня 1942 года, ровно через год после того самого заявления, о котором я уже говорил, Розенберг заявил: «Нужно прилагать все усилия, чтобы вызвать и активизировать национальное сознание украинцев. Нужно способствовать появлению литературы о борьбе украинцев против москалей. Нужно поддерживать культ их вождей — гетмана Хмельницкого, Мазепы. И, наконец, нужно будет организовать некую политическую партию, что-нибудь вроде свободного украинского казачества». Когда мы смотрим на реалии 1942 года, то видим тоже игру, но на этот раз на межнациональных противоречиях между народами Северного Кавказа.

И, согласитесь, заявление о том, что реквизиции, например, у чеченцев запрещены и могут проходить только при выплате определенной суммы денег, или вообще помещается некий знак с надписью «союзное население» на немецком языке — «Реквизиции строго запрещены», или когда появляются листовки следующего содержания: «Горец! У тебя сейчас есть своя власть, твои права охраняет доблестная германская армия, люби эту власть, люби германского воина, который, как орел, перелетел снеговые горы, чтобы освободить тебя и твоих братьев! Живи счастливо, хозяин гор! Пусть благословен будет твой труд и твоя сакля!» — когда начинается заигрывание с русским населением, когда начинают на практике проводить акцию власовцы — это из же самой серии, что и «что Сталинград животворящий делает», «что Курская дуга животворящая делает». И недаром небезызвестный пражский манифест — это уже конец 1944 года, и недаром реальные боевые столкновения вот этих самых русских коллаборационистских вооруженных формирований — это уже 1945 год. Иными словами, о нас вспомнили тогда, когда им самим было очень и очень плохо. По большому счету ни одному из народов, которые Третий рейх собирался покорить, ничего хорошего в новой системе не светило — а что, зря, что ли, проливал свою бесценную кровь германский солдат? Ведь, конечно, не за то, о чем в свое время так душевно высказался Остап Бендер: «Европа нам поможет». Нет, она никогда нам не поможет, и в этом отношении с теми самыми наивными ребятами-евразийцами образца 1920 года вполне можно согласиться. Спасибо! *(Аплодисменты.)*

Эйдемиллер Константин Юрьевич,
кандидат географических наук, преподаватель Высшей школы общественных наук СПбПУ:

Если позволите... Пара комментариев. Вы сказали про Финляндию. У них будет столетие, и у них тут скандал под столетие — они выпустили пять юбилейных монет, пять евро, и на одной из них изобразили сцену расстрела. Министр финансов, с которым это не согласовали, спрашивает: «Дорогие коллеги, а как это ассоциируется с нашим юбилеем?»

А расстрел кого?

Эйдемиллер К.Ю.: А это непонятно, на самом деле. Но расстреливают точно финна. Там это видно по форме.

Насчет русского языка. Проблема, которая встала перед литовскими и латышскими властями в лагерях беженцев, где они приняли по 45–50 человек по той квоте, которую дало ЕЭС. Все дети беженцев говорят на русском языке. Пообщавшись, они поняли, что русский язык понимают в Латвии и Литве все — и зачем учить литовский, если русский является языком международного общения? Это по поводу того, что русский язык не теряет своей популярности даже на тех территориях, которые от Советского Союза отсоединились одними из первых. Вот на этих моментах, наверное, я хотел бы закончить. Блестящее выступление, спасибо.

Ковалев Б.Н.: Я не так давно был в Риге, там был мощный скандал. Ну вы знаете, какое существо самое подлое и гнусное, герой всех анекдотов, — это теща. Так вот, одна из тещ лидеров одной из националистических латышских партий, по-моему, эта партия называется «Всё для Латвии». В правилах для тех, кого она готова принять на работу, есть требование знать три обязательных языка — латышский, английский и русский. Ничего личного, только бизнес. Но латышские националисты на нее за это очень сильно обиделись. Кстати, сейчас, мне кажется, реалии русского языка для наших бывших республик играют даже большую роль, чем в замечательные времена советской власти. Слово для последнего доклада перед перерывом предоставляется уважаемой Вере Анатольевне Сурковой, доктору философских наук, профессору Высшей школы общественных наук. «Повседневность Великой Отечественной войны в дневниковых записях и письмах».

Серкова Вера Анатольевна,
доктор философских наук, профессор Высшей школы общественных наук СПбПУ:

Уважаемые коллеги! Хотела поделиться с вами опытом работы с сайтом «Милитера», который существует сейчас в двух версиях — начальной и расширенной. Я пользовалась вторым вариантом, militera.org. Я постараюсь как можно короче сообщить о результатах своей работы. Я не буду сейчас останавливаться на характеристике организации самого сайта, только отмечу, что это хорошо, просто, ясно, компактно и умно устроенная система. Посвящен этот сайт первоисточникам, биографиям, дневниковым свидетельствам, мемуарам, военной истории, военной мысли. Несмотря на то что там очень много рубрик, сайт очень прозрачен и невероятно удобен в работе. Я остановилась на двух сборниках, извлеченных с этого сайта, и в своем докладе обращусь непосредственно ко второму из них. Это корпус документов, входящий в рубрику Второй мировой войны, письма солдат вермахта со Сталинградского фронта, из окружения, под говорящим названием «Хоть раз напишу тебе правду». Книга 2013 года, отнюдь не первое подобное издание, и это письма, относящиеся к очень краткому периоду Второй мировой войны и, соответственно, нашей Великой Отечественной войны, с 19 ноября 1942 года до капитуляции Шестой армии под началом Паулюса 31 января 1943 года. Основу этих

писем составляют четыре блока. Первый блок — это письма из коллекции Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП(б), второй — письма из собрания Музея-заповедника Сталинградской битвы, третий блок писем — из особого архива. А четвертый состоит из очень интересной коллекции писем известного частного собирателя солдатских писем Райнхальда Штерца. В эту коллекцию входит примерно 50 тысяч писем, собирал Штерц эту коллекцию на протяжении всей своей жизни, сейчас она находится в историческом музее Штудгардта и доступна для исследователей и читателей. Основные темы и рефрены этих писем можно собрать по нескольким рубрикам. По частотности употребления слов-метафор на первый план выходит такое понятие, как «ад». Это слово встречается практически в каждом письме. Сталинград — это ад на земле, ну и так далее, не буду все цитаты приводить. Вторая тема — это боевой дух русских солдат. Причем отмечается, что русские сражаются чрезвычайно упорно, и характеристика русских воинов с начала продвижения Красной армии на Сталинградском фронте очень меняется. Лейтмотивом становится характеристика «русские — хорошие солдаты».

Еще одна тема — это постепенно осознаваемый масштаб перемен на фронте, в котором ключевую роль играет полководческий талант советских стратегов, он стал совершенно определенным для тех солдат, которые просто лежали и сидели в окопах в это время. Мало что им было известно, по свидетельству Виктора Некрасова, я имею в виду его известную «Сталинградскую битву». Ничего нет хуже такой неопределенности для солдата, и как раз во многом причина этой деморализации немецкой армии состояла в том, что они совершенно не понимали, что происходит. Я процитирую: «Русские, оказывается, тоже умеют вести войну, это доказал великий шахматный ход, который они совершили в последние дни». Великий шахматный ход — понятно, что это стратегические успехи, и поэтому, конечно, эти письма требуют каких-то других источников параллельного чтения. Воспоминания Георгия Жукова дополняют эту общую картину, которая состоит из фрагментов личных, конкретных, очень частных впечатлений, которые солдаты выражают в своих письмах. Я забыла рассказать, как вообще оказались доступны эти письма и почему они не дошли, — перестала работать фронтовая почта, и эти письма просто достались в качестве военных трофеев. Не дошли до адресатов. Встречаются в этих письмах совершенно невозможные в системе военной цензуры заключения, то есть там нет вымаранных фрагментов, там нет специального штампа о том, что письмо данное прошло цензуру, и, более того, наступило такое же время для находящихся в сталинградском котле немцев, когда и «внутренняя цензура» тоже перестает работать — и солдаты в отчаянии начинают просто писать все, что они думают по этому поводу. Вот почему этот фрагмент эпистолярного наследия, принадлежащего войне, носит такой удивительно исключительный характер. Невозможные в системе военной цензуры заключения такие — людей посылают на убой за идею, граничащую с безумием. Это фраза из письма, датированного 11 декабря 1942 года и совсем уже к Рождеству, которого немцы, находясь в таком плачевном, абсолютно катастрофическом положении, все равно очень ждут. Я так и не поняла, почему четвертый блок этих писем, он носит такой, знаете, бидермайерский характер, такой бюргерский. Практически в каждом из этих писем упоминается вот эта «кюхен», три «К» знаменитые Франца Кафки — кухня, пироги, которые они ждут в качестве посылок себе, находясь в совершенно ужасных, уже катастрофических обстоятельствах.

Очень редко в канун 1943 года встречаются патриотические высказывания, такие как «мы должны держаться стойко, не терять веры в Германию» — это фраза от 31 декабря 1942 года. Или: «Мы все равно должны выдержать и выдержим» — 29 декабря. «Мои дорогие родители, судя по распространенным лозунгам, наше положение нельзя назвать неблагоприятным», — ну, это высказывание, выходящее из общего ряда оценок положения, ну вот встречаются и такие. И сломленный дух немецких солдат отражается в этих акцентах, в этой окопной правде. Подробности невероятного быта, отсутствие продовольствия, то, что еда немецких солдат состоит в основном из жидкого супа,

который кухня добывает, убивая отощавших лошадей, чтобы приготовить мясо. Эти подробности — в огромном количестве практически в каждом письме. Ну и «положение безнадежно» — чем ближе к началу 1943 года, тем эта фраза встречается все чаще и чаще. Если в начале, если еще в августе и в сентябре ничего подобного в этих письмах мы не встречаем, то вот здесь, уже в декабре, подводится итог 1942 году, и итог этот трагический. «Над многими, которые в прошлом году не думали о смерти, стоит сегодня деревянный крест, за этот год множество народа у нас рассталось с жизнью» — это одна только цитата подобного рода. И, в конце концов, диссоциальный коллапс, который тоже в массе переписки можно зафиксировать, — «пехота погибает». «Я духовно, физически конченный человек, мы будем сражаться, пока последний человек не подойдет — это у нас называется героической смертью» — 27 декабря 1942 года. Очень редко, но встречается проявление человечности к мирному населению, там отдельные примеры приводятся — то подбросят какую-нибудь семью на машине к какому-нибудь пункту, то просто слова сочувствия. И еще одна такая тоже сквозная тема для этих писем — это рассуждение о России как о месте немецкой катастрофы, никак не соотношенной с ее изначально спланированной судьбой. Здесь встречается такой жизненный, диссоциальный фатализм и поправка, корреляция с судьбой того государства, той земли, относительно которой у них были особенные планы. И вот эта фраза — «Россия все еще остается для нас загадкой» — тоже встречается довольно часто в этих письмах. Встречаются и соединения отчаяния, ярости, проклятий, которые обрушиваются на русских, на Россию, на население, такое немецкое высокомерие — оно все еще имеет место, но тем не менее встречаются иногда полные абсурда заявления: «Это он, — русский, имеется в виду, — нам заварил кашу с таким малым довольством», — пишет интеллигенция.

И можно сравнить тут эту оценку с характеристикой Василия Гроссмана, которую он дает в своем тоже замечательном произведении 1946 года «Сталинградская битва»: «Они сидят, как заросшие шерстью дикари в каменных пещерах, и гложут конину, сидят в дымном мираже среди развалин уничтоженного ими прекрасного города в мертвых печах заводов». Я вот, правда, тоже приготовила видеоряд, но забыла вот эти руины Сталинграда, масса фотографий и особенно там бросается в глаза вот этот фонтан «Детский хоровод», который сохранился среди ужасающих обломков, руин и неким невероятным символом невероятным, и это тоже нас поражает. Что можно в целом сказать об этом сборнике? Во-первых, это назидательная история. Сегодня, в XXI веке, это кажется уже довольно далекой историей, но сейчас ситуация нагнетается, тема войны и слово «война» как-то уж слишком часто и уже привычно звучит — и в форме крайне националистических лозунгов, становящихся основой идеологий целых государств, и как способ решения конфликтов разнообразных политических проблем, амбиций рвущихся любой ценой к власти политиков. В их лексиконе это слово встречается очень часто. Эскалация вооружения, ужесточившаяся религиозная конфронтация — это все очень опасные и страшные симптомы, и поэтому я думаю, что этот материал, вообще, полезен всем, и в первую очередь тем, для кого война является таким простым, ясным, легким и, в общем, доступным средством решения проблем. И напоследок еще два слова о том, что это отчасти и моя история, поскольку мой отец — из хоперских казаков. И все эти географические названия, все эти деревни — все из моего детства, и поэтому, конечно, я сюда могла бы присоединить и воспоминания моих родственников, бабушки, которая потеряла своего мужа, это был отчим моего отца, сны, которые она видела... Нельзя сказать, что письма — это единственная окопная правда. Это, конечно, совершенно другой тип свидетельства о войне, чем воспоминания генералитета. Есть знаменитое произведение Некрасова, есть более страшное произведение Николая Никулина «Воспоминания о войне», которое он никогда не собирался печатать и которое предназначалось «для стола». И в качестве дополнения к первой части — это касалось детские воспоминаний о войне, в том числе одна из частей этой огромной книги воспоминаний посвящена блокадным детям.

А я еще вспоминаю, что несколько лет назад мне попало совершенно уникальное, потрясающее сочинение Георгия Эфрона — не знаю, может быть, кто-нибудь тоже знаком с этой книгой, двухтомник огромный. Это сын Сергея Эфрона и Марины Цветаевой, этот вот мальчик, который сюда попал со своими родителями из эмиграции, два огромнейших тома этого блестяще образованного юноши шестнадцатилетнего, который здесь остался после трагической смерти матери. Остался совершенно один, какое-то время ему Ахматова помогала, и вот эти два тома — тоже дополнение к военной повседневности того времени. Потому что наряду с очень зрелыми и очень интересными его высказываниями о событиях, обо всем, о чем угодно — то, что он ел каждый день, вот это просто на первом месте стоит, вот этот голод — это главное, что там бросается в глаза. Благодарю всех за внимание.

Ковалев Б.Н.: Большое спасибо, Вера Анатольевна, за ваше интересное выступление, только одна моя маленькая реплика, хотя я думаю, что потом на круглом столе мы все это обсудим со своей исторической колокольни. Если это воспоминания немецких солдат, то, наверное, более корректно писать «повседневность Восточного фронта». Потому что когда вы говорите «в Великой Отечественной войне», у меня сразу же мысль что это восприятие с нашей стороны. С моей точки зрения как историка Великой Отечественной, это указание о том, что мы говорим о себе. А для них мы — это Восточный фронт, а то, что нас объединяет, что для нас общее — это просто война. Такая реплика. Спасибо!

Кашеваров Анатолий Николаевич,
доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук СПбПУ:

Уважаемые коллеги и дорогие друзья! Я с большим удовольствием выслушал все доклады, они действительно основательные, интересные, но, поскольку я историк, то хотел бы остановиться на тех сюжетах, которые мне как историку ближе всего. Это те проблемы, которые были затронуты в докладах Бориса Николаевича и Андрея Александровича. Поскольку здесь Борис Николаевич, то, наверное, начнем, начну я вот с этого сюжета. Он говорил о том, что немцы пытались разобщить народы Советского Союза, и очень хорошо было рассказано, какими методами это делалось. Я могу дополнить, что была сделана попытка использовать как фактор разобщения еще и религию, и вот об этом нельзя забывать. Были соответствующие директивы разработаны в канцелярии имперской безопасности, там был церковный отдел, и занимался этим Альфред Розенберг, естественно. И целый ряд директив был готов уже летом 1941 года — 16 августа и 31 августа. В чем смысл? Во-первых, стараться раздробить единые религиозные организации, не создавать какие-то новые компактные и в то же время объединяющие разные народы религиозные структуры, а раздробить имеющиеся и пытаться натравить их друг на друга. А в перспективе, конечно, речь шла о создании совершенно новой религии. Об этом есть свидетельство в переписке Розенберга и Гимmlера, и здесь можно привести такие примеры — а удалось или нет? Здесь затрагивался вопрос о Белоруссии. В Белоруссии была сделана попытка создать автокефальную независимую православную церковь. Попытка эта провалилась, потому что сам глава белорусского экзархата, который входил в состав Московской патриархии, митрополит Пантелеймон Рожновский категорически отказался это сделать, и его сослали в монастырь — можно сказать, заточили. А что касается рядового духовенства, то многие из них принимали участие в партизанском движении, были так называемые партизанские попы. Имена их хорошо известны — вот, например, Василий Копычко, Александр Романушко... там была такая ситуация, что отпевали одного из полицаев, он вынужден был отпевать, но при этом сказал такую проповедь: «Вот я предателя отпеваю, имейте это в виду. И пусть это знают его родственники». Даже такие сюжеты были. Но самое главное, что сами священнослужители отказывались идти по пути белорусизации церкви, это была как бы отговорка, но она в то же время и отражала реальную ситуацию, что, мол,

городское население Белоруссии в основном говорит на русском языке и наша проповедь будет совершенно непонятна.

Так что вот эта ситуация с попыткой создать церковь автокефальную, то есть полностью независимую и оторванную от Русской православной церкви, там окончилась неудачей. Сложнее дело обстояло на нашей с вами любимой Украине. Вот там были созданы немцами две церкви — это автономная и автокефальная. Причем большинство населения шло за автономистами. И вот эта автономная церковь в составе Московской патриархии была создана, в общем-то, по решению каноническому поместного собора 1917–1918 годов. Поликарп Сикорский возглавлял автокефальную церковь, а автономную возглавлял Алексей Громадский, вот этого Алексея Громадского украинские националисты убили. И немцы сделали такую хитрую тактику — они поддерживали автономистов там, где было больше всего автокефалистов, и автокефалистов там, где было больше всего автономистов. Вот такая политика — разделяй и властвуй. Но все равно мы знаем точно, что большинство населения, большинство приходов были за автономную православную церковь Украины в составе Московской патриархии. Примерно треть были за автокефальную церковь, которую возглавлял Поликарп Сикорский. Вот такова была ситуация на Украине. Что касается Прибалтики, то немцы считали, что все эстонцы, латыши, кто является православным, тот русский и его стоит переселить потом, выселить из Прибалтики куда-то на восток от Ленинградской области. И считали вообще православие в Прибалтике русской религией. А в целом тактика их была такова, что они несут свободу религии, что сталинская, еврейская, большевистская власть все время занималась богоборчеством, гонениями на религию, а вот мы несем религиозную свободу. И где-то до 1943 года во всех директивах, которые исходили и от Розенберга, и от церковного отдела управления имперской безопасности, звучала мысль, что надо помогать восстанавливать храмы, по крайней мере не препятствовать восстановлению. А вот с 1944 года они осознали, что церкви стали центрами русского национального самосознания, особенно в коренных районах России. Об этом также есть прямые свидетельства, докладные, которые шли как соответствующие документы наверх. И здесь они уже изменили тактику — с 1944 года не помогать, но и не закрывать. А в целом благодаря такой тактике — нет худа без добра, было открыто семь с половиной тысяч храмов на оккупированной немцами территории. Но в целом, если подводить итоги этому сюжету, то, конечно, попытки немцев разобщить народы с помощью религии, используя религиозный фактор, оказались явно неудачными.

Переходя к сюжету, связанному с докладом Андрея Александровича, — они очень удивлялись тому, что Московская патриархия взяла патриотический курс. Они считали это чем-то ненормальным, непонятным, это страха ради, из-за воспоминаний о репрессиях, о гонениях, которым церковь подвергалась на протяжении 20–30-х годов. То есть для них это явилось большой неожиданностью. И вот на этом, кстати, сыграл митрополит Сергей Воскресенский в Прибалтике, экзарх Московской патриархии, — ну, это особый разговор, это не в рамках дискуссии, а уже, может быть, специально посвятить этому сюжет о псковской православной миссии и ситуации в Прибалтике...

Это касается моего небольшого замечания, дополнения к тому интересному докладу, который мы услышали от Бориса Николаевича. Теперь что касается того, что говорил Андрей Александрович. У него, я напомним, речь шла о значении исторических и мифологических образах для единства народа. Так вот я хочу напомнить, что и здесь у церкви тоже были свои герои и святые. Но эти святые являются одновременно и героями нашей истории. И если советская власть в 20-е и 30-е годы всячески пыталась их забыть, церковь-то их никак не забывала. И есть даже такое выражение «добрые страдальцы за Русскую землю». При составлении помянника того или иного святого особо упоминается, кто это: конечно, Александр Невский, ну патриарх Гермоген, конечно, это понятно, Минин и Пожарский. А ведь доходило до того, что был такой публицист Блюм, который писал, что и памятник Минину и Пожарскому на Красной площади надо снести, и вообще

вычеркнуть их из истории. А церковь ничего этого не вычеркивала. И надо сказать, что государство позволило вновь в том же журнале Московской патриархии эти имена воскресить. А я напомним, что значение слова церкви тогда все-таки имело большой авторитет среди народа. Почему? В 1937 году была проведена перепись населения — и что же обнаружилось? Она, кстати, была как раз после первой безбожной пятилетки, которая была объявлена. И, казалось бы, все уже — и синоду не разрешено собираться, и осталось там четыре правящих архиерея, и здесь много чего можно говорить о том, что церковь как структура дезорганизована, парализована, но две трети сельского населения заявляет о себе, что они верующие, треть населения в городах заявляет, что они верующие. А с учетом страданий войны, конечно же, народ искал какое-то вот утешение, которое могла дать церковь. И церковь откликнулась, надо сказать, очень быстро. Когда Сталин выступил на 12-й день после начала войны, а глава церкви митрополит Сергей написал свое послание в тот же день 22 июня, это достаточно хорошо известно. И как потом он сам говорил: «Мы создавали нравственные условия для Победы». Причем церковь нарушила закон о том, что она не должна вмешиваться, что она отделена от государства, — послание это было, условно говоря, вмешательством в государственное дело. И более того, церковь начала сбор материальных средств, не считаясь с тем, что всякая благотворительность должна была караться по уголовному кодексу СССР и Российской Федерации. И только, по-моему, 30 декабря 1942 года церкви было разрешено эти банковские счета открыть. И дальше уже здесь можно много говорить, какой вклад она внесла. И я хочу напомнить: хотя церковь и называется «Русская православная», она тоже по своему составу многонациональна — здесь не только русские, белорусы и украинцы, но и молдаване, и значительная часть коренных народов Сибири. Даже у татар есть широкая прослойка, которая называется «крещены», то есть православные христиане. И поэтому, конечно, слово церкви было весьма авторитетно. И если говорить о евразийском пространстве, то оно, с объединением Московской патриархии и Русской зарубежной церкви, покрывает территорию от Лиссабона до Японии, потому что в Японии есть своя автономная православная церковь. Сейчас возрождается автономная православная церковь в Китае, поэтому с учетом ее значимости, и вот этих географических размеров, и авторитета среди населения этот ее патриотизм сыграл, конечно, большую роль в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне. Спасибо за внимание!

А можно еще добавить? Тут еще одна сторона есть — отношение церкви вообще к советскому периоду и к Победе в частности. Вспоминается дискуссия, вернее отповедь, которой патриарх Кирилл удостоил отца Георгия Митрофанова...

Кашеваров А.Н.: Дело в том, что отец Георгий Митрофанов транслирует идеологию Русской зарубежной церкви. В идеологии Русской зарубежной церкви такая ситуация — они считали, что Гражданская война не закончена, а большевизм — это большее зло, чем нацизм, но позиция самого руководства Русской зарубежной церкви была очень осторожной. Они открыто вроде бы этой идеи не поддерживали, но в то же время, если главное зло, а идет война, с кем же бороться-то, да? Значит, с большевиками, вот главное зло. Поэтому они благословили на борьбу того же Власова. И ситуация такая была. Насколько мне известно из личных встреч — я был, кстати, гостем Русской зарубежной церкви в 2006 году, когда накануне процесса объединения этих двух частей мы вместе участвовали в конференциях в Венгрии, в Италии и так далее, так что мне позиция хорошо известна и ее причина. Так вот, значительная часть эмигрантов первой волны такую позицию не приняли. Ну, известно: с Деникиным история, с Буниным, который говорил: «Сталин летит на Тегеранскую конференцию, да, я переживаю», — и так далее. Всё. А вот вторая волна эмиграции — там было много перемещенных лиц, хильфсвиллиге, которые принимали участие в этих самых коллаборационистских

объединениях, и прочих воинских и так далее — они остались на Западе. Были лагеря перемещенных лиц, и там Русская зарубежная церковь, почти обескровленная, возродилась. Она начала вести свою пропаганду, строить храмы и, собственно говоря, восприняла вот эту позицию. Поэтому я помню, что на приеме в архиерейском синоде на Манхэттене первый вопрос, который был задал Светозарскому, который комментирует пасхальные богослужения из храма Христа Спасителя, он завкафедрой Московской духовной академии, мы были там вдвоем, и еще была Ольга Юрьевна Васильева, ныне министр... Итак, архиепископ Гавриил, управделами архиерейского синода Русской зарубежной церкви задал вопрос: «Что у вас слышно о Власове — будет ли он признан героем?» Наша реакция была ему непонятна.

Но вот еще о чем хочу сказать. В 1995 году отец Георгий подарил мне книжку о Русской зарубежной церкви, и вот там он пишет, что в 20-е годы она хотела исхитить власть у патриарха Тихона, у Московской патриархии. То есть это такая разгромная по отношению к Русской зарубежной церкви книга, и я помню, как на одной из конференций отец Георгий сказал в своем выступлении: «Я — сергианец и горжусь этим!» А теперь он патриотическую позицию митрополита Сергия отрицает...

Ковалев Б.Н.: А вы знаете, я с отцом Георгием, наверное, около десяти программ совместных делал на канале «София». Кстати, в отличие от Константина **Обуснова** с отцом Георгием можно работать, он слышит аргументацию...

Вы знаете, вы подняли очень болезненную, очень серьезную проблему. Когда я пытаюсь понять роль Русской православной церкви в истории Великой Отечественной войны, мне почему-то чаще всего приходят в голову слова матери одного из известнейших наших советских евразийцев, я имею в виду матери Гумилева, Анны Андреевны Ахматовой, у которой в поэме, посвященной сыну, есть такие строчки: «Я была тогда с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был». И Русская православная церковь тоже была со своим народом там, где народ, к несчастью, был. И это было искушение, когда в 1941 году появились люди, на пряжках которых было выбито «С нами бог». О том, что православие — это забавный этнографический ритуал...

Это Розенберг.

Ковалев Б.Н.: Ну, это говорилось весьма узким кругом, и Гитлер недоволен, перепив минеральной воды — как известно, он был вегетарианцем и трезвенником, алкоголя не употреблял, — говорил, что «эх, не повезло немцам, не ту религию мы выбрали, то ли дело ислам, а еще лучше религия японцев с их умением красиво умирать». Но это было на перспективу. Это было на завтра. А на сегодня они уверяли в том, что нападение Германии на Советский Союз — это второе крещение Руси. К сожалению, об этом одно время писал отец Георгий. И здесь нужно проявить восхищение весьма большим количеством наших священников. Я хочу вам напомнить знаменитый партизанский парад в Ленинграде в марте 1944 года, когда во главе пятой партизанской бригады, вернее одного из полков Чубыкина, шел отец Федор Пузанов, трижды кавалер Георгиевского креста, который собрал и вывел целый обоз.

То есть человек, награжденный медалью партизана Отечественной войны I степени. А само восприятие ленинградцев — вот блокада закончилась полтора месяца назад, идут партизаны, и впереди идет православный батюшка, и видно, что этот православный батюшка явно в тылу не отсиживался, а делал очень многое и благое. И, наверное, когда мы говорим не только о евразийстве, а о нашем народе, какие мысли приходят в голову? Вот вы понимаете, я иногда воспринимаю идеологию нацизма как некий искус, как некое проявление нечистой силы, дьявола. Потому что он может быть и красив, и обольстителен. И то, что было у нас в стране после 1917 года, я думаю, никто здесь одними позитивными красками мазать не будет. И то, что Сталин, вместо того

чтобы сказать «Уважаемые товарищи!» вдруг начинает говорить «Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои!» — когда он поминает нашу историю не с 1917 года, а гораздо глубже, это тоже было соответствующее изменение, уход от некоей коммунистической идеи к идее национальной. И церковь как некая духовная скрепа всегда играла важную роль, и мне кажется, недаром сейчас тот наезд на Русскую православную церковь, который мы видим, — это очередная попытка попробовать взять нас «на слабо», как это уже было несколько раз.

Минин Игорь Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина:

Я хотел бы на эту же тему высказаться. Дело в том, что сейчас как раз год столетия революции и революции — это, конечно, был раскол, который выразился не только в Гражданской войне, но и после, как вы говорили, действительно ощущение это местами до сих пор не изжито. И вот как раз Победа в Великой Отечественной войне — это во многом единство преодоления, сбор. Здесь уже упомянут Антон Иванович Деникин. Он воспринял, как и вообще значительная часть первой волны эмиграции, процессы, начиная с 1939 года, начиная с присоединения Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и так далее, как возрождение России. И по поводу мифологии, и по поводу поворота к патриотизму, о чем Андрей Александрович говорил, что это первая половина 30-х годов, — это действительно так, но это ведь если у евразийцев в 20-е годы осмысление было как реакция проигравших, да? Потому что западный либерализм оказался неподходящим, с их точки зрения. А с другой стороны, коммунизм, который пришел на смену, тоже имеет западные корни. И была такая попытка осмысления, но это осмысление в некотором смысле действительно было осмыслением проигравших. Другое дело, что оно оказалось гениальным и получило дальнейшее развитие. А поворот в первой половине 30-х годов к патриотизму, и в том числе к возрождению в некотором смысле патриотического мифотворчества как элемента, потому что без мифотворчества общественное сознание не существует, — это все мы отлично понимаем. Это было сугубо прагматичным действием, поскольку на это натолкнули два взаимосвязанных фактора. Первый фактор — это, конечно, коллективизация и ее последствия, потому что, наверное, нет оснований подозревать здесь Сталина в каких-то хитрых махинациях, когда он писал известную статью «Головокружение от успехов», для него действительно те перегибы, которые там описываются, оказались в некотором смысле неожиданными, но это было достаточно закономерное, как мы теперь понимаем, последствие Гражданской войны. Сейчас достаточно много материалов рассекречено, и видно, что в начале 30-х годов по линии ОГПУ, по линии партийных органов и так далее наверх идут сообщения самые различные, но, в общем-то, достаточно тревожного характера, из которых можно сделать вывод, что население, в общем-то, за эту власть воевать не готово. А тут еще и произошел отрыв от корней. То есть село — оно само по себе более консервативно, но как раз коллективизация большие массы выбросила в город, ради этого в том числе она и затевалась. И вот эта консервативность оказалась во многом подорвана.

Плюс 1932 год, японцы выходят на границу с Советским Союзом, Квантунская армия, — и возникает угроза войны на два фронта в условиях, когда потоком идут сообщения, что неизвестно, что будет, если, не дай бог, будет война. Потому что, напомним, как раз на тот период господствовала в военном деле концепция Фрунзе, концепция так называемой малой войны. И одним из элементов этой концепции было то, что Красная армия не сможет сдержать врага на всех границах в случае масштабной войны, она вынуждена будет оставить значительную часть территории для прикрытия промышленных районов и проведения мобилизационных мероприятий, и, соответственно, на оккупированных территориях должна развернуться партизанская война. Но как она развернется, если у населения нет мотивации? И вот тогда было принято решение

обратиться к корням — и встал вопрос о возрождении истории, известный конкурс на учебник истории для школы и так далее. И с этой точки зрения, подходя уже к современности, когда говорят, что нельзя замалчивать плохие факты и нельзя говорить только хорошее, — это, безусловно, так, но здесь не должно быть фальсификации, перегибов негатива, выдергивания негатива из контекста. Почему? Потому что борьба с мифологизацией ведет к мифологизации наоборот. Потому что миф — это составляющее общественного сознания, и миф может быть позитивным, а может быть негативным, мы это отлично знаем. Для развития общества, для его созидательного потенциала, безусловно, миф необходим позитивный. Не может быть каждый член общества профессиональным историком, глубоко занимающимся конкретной темой, а если он таковым быть не может, то он будет осмыслять эту информацию в меру своих сил. Поэтому, безусловно, не надо подменять широкими общественными массами каких-то профессионалов, и, наверное, один из таких важных моментов в современности нашей — это необходимость дальнейшего изучения как раз феномена Победы, в том числе и как преодоления, с тем чтобы при этом не допустить формирования негативной мифологизации, а эта угроза, вы это понимаете, сейчас очень, к сожалению, актуальна. И здесь, возможно, какие-то мероприятия, наверное... не хочется говорить слова «цензура», но должен быть некий общественный договор, что есть и что неприкасаемо с моральной точки зрения. Вот, наверное, к этому нам надо стремиться.

Ковалев Б.Н.: А насколько это возможно на просторах Интернета? Потому что когда мы с вами тут беседуем, у нас внутри есть и некий внутренний цензор, поскольку мы люди и живем в социуме, плюс у нас есть элементы некоей человеческой порядочности, профессиональной ответственности, но сейчас же, если посмотреть опросы, молодежь черпает информацию из Интернета. Можно спрятаться за замечательным ником, можно вообще находиться не на территории России и написать такое, что, в общем-то, лысина дыбом встанет. И вы знаете — здесь тоже очень сложный с морально-этической точки зрения вопрос. Вот мы можем поставить перед собой некие морально-этические рамки, шоры, но они-то этого не сделают, и как только мы попытаемся играть по правилам с теми людьми, кто по правилам играть не собираются, мы по определению обречены в большинстве случаев на провал.

Минин И.В.: Здесь остается играть, наверное, только по правилам психологии, если мы говорим о молодежи. Потому что психологически человек подсознательно хочет чем-то гордиться, чему-то радоваться. Обратите внимание даже на такой аспект: Русско-японская война 1904–1905 годов. Сколь много популярной литературы было в советский период по этой войне? Среди широко распространенной, кроме Сергеева-Ценского, наверное, ничего вспомнить не получится.

Ковалев Б.Н.: Да, «Порт-Артур»...

Минин И.В.: Ну да. А почему? А потому что это воспринималось как некое постыдное поражение, хоть и говорилось, что это поражение царизма и так далее, но тем не менее в массовом сознании это поражение, это не то, что хочется вспоминать, не то, чем хочется гордиться, и поэтому, когда негативные воспоминания навязываются, этому можно противопоставить, наверное, только одно — позитивные воспоминания в том же Интернете. И контекст общий, чтобы показать, что, мол, извините, но мы не являемся, как говорит молодежь, самым отстоем в этом мире.

Ковалев Б.Н.: Я, к сожалению, приехал в Петербург только сегодня утром, поскольку вчера была конференция, соорганизаторами которой выступили Российская академия наук, Санкт-Петербургский университет, Политехнический университет имени Петра

Великого, Новгородский университет и Новгородская митрополия Русской православной церкви. Я переслал Сергею Владимировичу программу моего доклада «Память семьи — память страны». Одна из основных идей, высказанных на этой конференции, где слово давалось молодым людям, была такова — Великую Отечественную войну выиграл в том числе и мой прадед. То есть абсолютное большинство докладов были посвящены тем, я считаю, замечательным мероприятиям, которые, начиная от акции «Бессмертный полк», сейчас проходят. Замдиректора нашего института профессор Чистиков говорил о том, что сейчас переходят к попытке ввести в научный оборот живую историю, семейные предания — к сожалению, иногда воспоминания секонд-хенд, это я могу еще рассказывать и писать, что мне рассказывал мой дед, участник Сталинградской битвы, для молодежи это уже из рассказов их дедушек, что им рассказывал уже, получается, их прадед. И, может быть, будет введено в научный оборот то, что называется семейными архивами. Буквально несколько месяцев назад мне передали замечательные блокадные дневники. Внук живет уже 30 лет в Вене, дедушка умер 20 лет назад, он приехал в родной город и с удивлением обнаружил, что у деда богатейший архив. Спасибо ему, что он его не уничтожил, что он не положил его к себе как скопидом, он отдал его мне, чтобы я поработал с ним, ввел в научный оборот. Ведь даже на уровне преподавания всех наших дисциплин, общаясь со студентами не только и не сколько исторических специальностей, мы можем подвести их к вопросу о том, что и ваша семья внесла свой вклад в историю страны. И даже на уровне Интернета, если мы заставим или предложим молодым людям задуматься об истории того, что их прадеды сделали для этой войны, то будь они трижды под ником, они уже будут воспринимать, говоря молодежным сленгом, наезд не на некое абстрактное общество, а конкретно на себя, и здесь они уже покажут все умение и владение русской ненормативной лексикой.

Минин И.В.: Борис Николаевич, я думаю, вы абсолютно правы хотя бы в том, что, по своему опыту скажу, сейчас достаточно много молодых людей обращаются к интернет-сайту архивов Министерства обороны в Подольске, ОБД «Мемориал». И как раз то, что там стали публиковать персональные документы, в том числе и рассекреченные наградные листы, где конкретно, пусть сухо, но зато очень четко и ясно опубликованы конкретные моменты, за что та или иная награда была, вот это конечно очень и очень важно.

Ковалев Б.Н.: Да, совершенно верно. Я нашел орден своего деда, который он не получил из-за ранения, я когда сообщил это в своем отделе, извините, у меня в отделе стоял рев. Мой коллега Коваленко обнаружил наградные документы на своих родителей, на папу, на маму, он радостно все это скопировал, рассказал об этом своему внуку. Да, это действительно очень хорошо, что хотя бы в этом отношении наши архивы стали доступны всем, кто хочет их просто-напросто посмотреть.

Я, как представитель молодежи, наверное, скажу. В Интернете идет та же война, реально люди делятся на тех и других. То есть нужно популяризировать, нужно участвовать самим, кто умеет, кто может прицеплять людей, тот, кто умеет говорить на камеру, рассказывать, это людям интересно. Большие ролики тяжело смотреть, но есть определенные слои, которые все это смотрят, любят, подписываются. То есть где-то 50 тысяч просмотров, где-то десять, но это работает.

Ковалев Б.Н.: У меня 96 тысяч просмотров.

Суперрезультат для такой сложной темы, я считаю, это очень важно. Миллионами — смотрят шоу, а это немножко другой вариант.

Кулик С.В.: Вот я все хотел присоединиться, и как раз один из тезисов — в тему. В советское время мы проигрывали в пропаганде, потому что, во-первых, были штампы, которые очень тяжело менялись, а во-вторых, я с радостью узнал уровень образования Епишева, главного идеолога наших Вооруженных сил — высшие кавалерийские курсы. Понятно, насколько человек был близок к теме и насколько он соответствовал этой должности. Но я могу и сказать обо всем составе Политбюро, которое тоже не блистало образованием. Сейчас наше общество разделилось, и, естественно, появились те, кого старым-старым хорошим термином называют — «компрадорская буржуазия». Она у нас специфическая, ну и время другое, не такое, какое было когда-то при захвате Индии. Так вот у нее свои идеологические задачи, свое идеологическое обеспечение собственного бизнеса, и отсюда, естественно, свои глашатаи, хорошо оплачиваемые, а государство, как всегда, оплачивает плохо. И использование своих методов. Я крайне редко обращаюсь к нашему телевидению, но смотрю его с точки зрения технологий, насколько быстро у нас стали применять окна Овертона именно для дискредитации нашей истории. Как профессионал, какое-то время я пытался общаться со своими коллегами на эту тему, они говорят: да брось, да это же несерьезно, шутовство, да это убогие оценки. Для профессионала, наверное, да, но вы совершенно верно заметили, что ведь есть еще масса непрофессионалов. Поэтому должны использоваться самые современные методики подачи материала, Интернет у нас упущен за редчайшим исключением, а та сторона использует очень активно, эта методика отрабатывается не только на нашей стране, но и на западных. Вот мы с Борисом Николаевичем задавали вопрос — была польско-российская конференция, так скажем, польско-новгородская конференция с нашим участием...

Ковалев Б.Н.: За польские деньги.

Кулик С.В.: За польские деньги, да, это хорошее уточнение. Так вот мы задали одному профессору вопрос: почему?.. Вот Борис Николаевич сформулировал: «Почему вы не в 90-е годы начали валить наши памятники, почему вы не в 90-е годы начали лить грязь на наших воинов, принесших вам освобождение?» Ответ был предельно циничен, правдив, искренен: «А потому что было еще живо то поколение, которое могло сказать правду». То есть дождалось ухода потенциально возможных оппонентов, не все бы выступили, и после этого началась просто волна. Прибалтика и Центральная Европа очень активно к этому подключились. Статья в конституции, где говорится, что у нас нет идеологии, играет против нас очень активно. Идеология никуда не денется, это значит то же самое, что у нас нет дыхания, а раз нет идеологии, возможны все варианты. И вот еще одна тема — это человечность оккупантов. Один музыку слушал и плакал, а концлагеря как-то ушли вдаль, другой расстреливал массами и лично принимал, отдавал приказы и лично принимал участие...

Плакал от Вагнера. Ну а вот руководитель осады Ленинграда — это просто рафинированная, тончайшая личность, которая тем не менее очень четко написала о том, что если большевики отправят из города женщин, детей и стариков, то загнать их обратно, а если не будут идти, расстрелять из пулеметов. Об этом не говорится, а говорится о том, какой он был тонкий человек, как он любил литературу, изящную словесность. Человек, который, страдая манией величия, таскал за собой собственного историографа, который записывал за ним его высказывания, его действия и тому подобное. И вот этому на пропагандистском поле отводится довольно много места, а ответа нет. И поэтому действительно профессионал будет говорить: «Да, а как же жертвы, а как же вот те поступки?» — или эти примеры приводить, примеров-то у молодежи маловато. Спасибо.

Ковалев Б.Н.: Кстати, я уже повернулся в сторону молодежи. Я обратил внимание, что в Интернете уже сформировался свой собственный пул авторитетов. Причем зачастую это

даже непрофессионалы, нужно уметь говорить, говорить хлестко, красиво, иногда нагло, иногда отключая своего собеседника, например злоупотребляя своими модераторскими какими-то возможностями, но мне кажется, что, к сожалению, в том числе и государство не оказывает соответствующего содействия, поддержки. И мы этот очень большой пласт, боюсь, местами упустили. Потому что непрофессионалы — они тоже разные, то, что они делают, может быть и со знаком «плюс», но они это делают непрофессионально.

Можно от лица молодежи чуть-чуть сказать? Первое: у нас, как кажется мне, профессиональному историку, в корне дискредитирована история. Когда по государственным каналам идет программа с названием «Исторический процесс», а профессионалы называют его «Истерическим процессом» в силу деятельности понятных лиц, это уже само по себе является отталкивающим фактором. Еще один момент. Сергей Владимирович упоминал о том, что у молодежи нет авторитетов. Я общался с русскоязычными жителями Прибалтики, здесь большинство историков сейчас поймут, о чем я скажу. Дело в том, что была такая Ванзейская конференция, это было окончательное решение еврейского вопроса. Там присутствовал командующий полицией безопасности и СД в рейхскомиссариате «Остланд» Рудольф Ланге. Его спросили: «А как вы решили, собственно говоря, еврейский вопрос?» Он говорит: «Вы знаете, когда мои войска взяли Ригу, в Латвии еврейский вопрос был решен, и вместе с ними цыгане, мусульмане...» Так вот к чему это я... Молодежь говорит: у этой власти идеалы, собственно говоря, — воплотить и повторить то, о чем сказал Ланге. И, собственно говоря, вот какое отношение там к беженцам, которые появились сейчас, к бронзовому солдату — это все на самом деле имеет одни и те же корни. Но у них-то ладно, у них своя идеология, они ее как принцип взяли, и оккупацию, и исторические травмы, и раздел, и все, вместе взятое, но когда это сейчас декларируется у нас, без цензуры и без каких-то комментариев выносятся, когда людям к этому не дается никакого пояснения, тем более молодому поколению, которому неоткуда черпать знания, вот это уже вызывает вопросы. Как сказал Милюков: «Что это — глупость или измена?»

Ковалев Б.Н.: Вы знаете, я закончу фразой одного уважаемого мной коллеги, весьма известного польского политолога. Часть фразы звучала так: «Мы в нашей стране, в Польше, сделали за последние годы следующее представление у наших граждан: что самое главное достижение Польши в XX веке — это уничтожение коммунистического режима в 1989 году». И если кто-то из вас был в замечательном городе Кракове, то, наверное, обратил внимание: там продаются книжки «Папа Римский Иоанн Павел II, который разрушил советскую систему». И говорит мне мой коллега, что когда формируется представление о том, что самое главное мы сделали в XX веке — это даже не возрождение Польши в 1918 году, это уже очень далеко, а именно события 1989 года. Новое поколение хочет повторить подвиг своих отцов, и оказывается, что памятники — это самое подходящее, с чем якобы можно бороться, исключительно из-за русских фамилий, изображений серпа и молота, ППШ и так далее. Ну и, естественно, следующий шаг — это объяснять, что на самом деле это было не освобождение, а оккупация. Моей коллеге профессору Шмелевой, которая преподавала русский язык в одном из польских университетов, рассказывали, что когда в 1939 году в тот городок вошли немцы, то они уничтожили всю польскую интеллигенцию, всех расстреляли, в том числе и ксендзов. А когда в 1945 году пришли красноармейцы, они ликвидировали какой-то ликеро-водочный завод и очень здорово перепились. И вот почему-то в живой повседневной истории этого польского городка основной упор делается на пьяных красноармейцах. Я думаю, что они, конечно, были, но это, как нас учил великий Отто фон Клаузевиц: «Историк должен говорить правду, одну только правду, но не всю правду». И получается, что уничтожение польских интеллигентов, священников — это дело проговаривающееся, а пьяные советские солдаты — вот то, чем мы будем возмущаться, указывая на то, как говорил

Анджей Вайда: «Мы русских научили только одному — кое-как завязывать галстук». Ну вот, пожалуйста, — тоже реалии Европы. Так что еще раз надо думать, насколько евразийство — это правильно или неправильно, может быть, нужно в другую сторону смотреть.

Можно реплику небольшую, тоже в дополнение, на тему цензурирования? Я просто тоже немного на эту тему писала. Сейчас существуют методики, которые позволяют осуществлять цензуру в Интернете, то есть то, что это стихия — на самом деле иллюзия. Что касается различных блоков, которые ставятся, то они ставятся очень в разных местах, в том числе и в социальных сетях, которые, кажется, вообще неконтролируемые. Блоки могут ставиться по определенным запросам, по фильтрам, по каким-то замечаниям, допустим, в нашей сети ВКонтакте эти цензурирования работают, и это можно проверить. Если кому-то это интересно, я могу сказать, какие можно задать вопросы — и вы увидите пустой ответ. И если вы захотите записать какие-то фразы, они тоже могут вывести вас к тому, что ваши страницы могут просто быть заморожены, если вы напишете определенные фразы. Можно сделать так, что просто что-то не будет написано или то, что будет написано, вы не увидите. Это как раз сейчас происходит и делается, да, но тем не менее надо понимать, что технологически решение такого сложного вопроса не приводит к тому, чего мы хотим достичь. Вы понимаете, что на любую технику можно еще лучшую технику включить. И если мы будем цензурировать и закрывать возможность говорить, то найдутся люди, которые будут это блоки обходить с помощью опять-таки технических средств, которые тоже опять-таки существуют, и они тоже известны. Известно, каким образом можно и обойти цензуру, и увидеть все без цензуры, и это получается. Это техническая война, которую невозможно выиграть. Получить тот результат, который мы хотим, возможно только в том случае, если люди действительно будут иметь свои представления — об этом говорил Борис Николаевич — и собственное мнение по этому вопросу. Закрывать информацию — это, наоборот, вызвать к ней больший интерес: ах, что ж там такое запретное? давайте мы посмотрим...

Минин И.В.: Да, безусловно, технические средства цензурирования есть, и никуда не делись, и развиваются, и будут развиваться. Весь вопрос: у кого они в руках и как применяются? Это раз. А во-вторых, все-таки я не столько о цензуре ставил вопрос, сколько именно о том, о чем сказал Сергей Владимирович — отсутствие идеологии. То есть может быть некий общественный договор вместо этой идеологии. Потому что все-таки мы идеократическое государство, у нас очень сильно в подкорке зашито, что можно, что нельзя, и вот это искажение «можно — нельзя» влияет сильнее, чем что-либо другое на поведение нашего общества. Вот об этом речь. Потому что если в обществе будет некое общепринятое «вот это хорошо, вот это плохо», ну применительно в данном случае к истории Великой Отечественной войны, то тогда механизмы цензурирования будут вторичны, и не факт, что они понадобятся.

Ковалев Б.Н.: Вы знаете, уважаемые коллеги, иногда полезно посмотреть друг на друга, иногда очень полезно услышать друг друга, поскольку именно во время диалога, во время общения мы в конечном счете уже перестаем замыкаться в скорлупе собственного черепа и начинаем думать несколько шире. Как говорится, гуртом и батьку бить легче. Поэтому, если по времени у нас осталось семь минут и, я так понимаю, практически все участники круглого стола, как наиболее стойкие, отсидевшие от начала до конца, высказались, может быть, тогда я предоставлю слово нашим замечательным организаторам конференции — может быть, у них будут какие-то предложения, пожелания, просьбы.

Кулик С.В.: Во-первых, обращение к евразийству — это поиск нашего постимперского места. А здесь нужно напомнить, что на предполагаемом евразийском пространстве мы — не единственные претенденты на лидерство. В первую очередь нужно вспомнить Китай, и не только Китай, и очень осторожно нужно подходить к выбору терминологии. Вот мне пришлось проехать в командировках по бывшим союзным республикам, и я могу сказать, что тот термин, который мы здесь употребляли, «советский народ», не может стать объединяющим термином, потому что в ряде республик предпочитают все-таки в официальной, официозной пропаганде, обращаясь даже к теме Великой Отечественной войны — да, обращаясь со знаком «плюс», говорить о народах Советского Союза. Вот здесь бывшая имперскость сыграла не очень хорошую роль и с монголами, и с персами, и вот очень хочется, чтобы она не сыграла эту роль с нами. Поэтому нужно очень внимательно слушать оппонентов — даже тех оппонентов, которые потенциально наши союзники. Не только оппонентов-противников, но и тех, кто участвует в дискуссии, находясь, в общем-то, на том же поле, что и мы, выступая и выдвигая те же идеи, что и мы. Поэтому значение таких мероприятий, как круглый стол, а в перспективе, возможно, и конференция, достаточно велико. Потому что именно в этой среде должна формироваться терминология, и уже должны искаяться формы и методы донесения этой терминологии до тех, кто формирует нашу несуществующую идеологию.

Спасибо большое всем за участие!